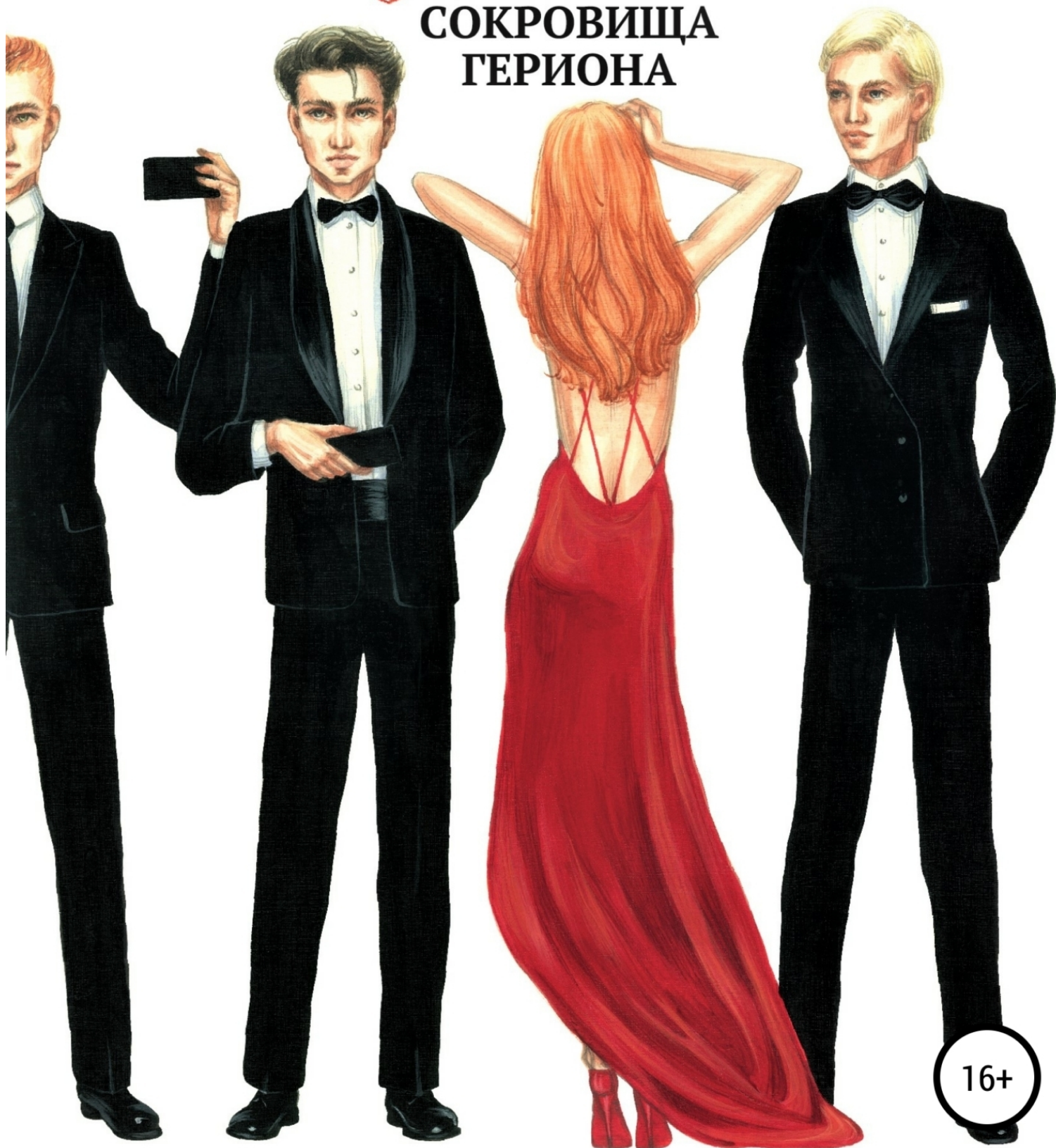

МИРОСЛАВА ЧАЙКА

Элитная западня

часть вторая

**СОКРОВИЩА
ГЕРИОНА**

16+

Мирослава Чайка

**Элитная западня. Часть
вторая. Сокровища Гериона**

«Автор»

2021

Чайка М.

Элитная западня. Часть вторая. Сокровища Гериона / М. Чайка —
«Автор», 2021

Ева отправляется в романтическое путешествие в Париж, чтобы избавиться от постоянного преследования тайной организации, в которой она состоит. Но и тут ей не скрыться от вездесущего Гериона. Девушка получает послание, которое приводит ее к загадочному кольцу. Что же это? Совпадение или первый кусочек пазла, ведущий к разгадке, кто такой Герион и зачем ему нужна Ева. Матвей, Алекс и Герман думают только о собственном успехе, пока не обнаруживают, что их история переплетается с судьбой трех друзей из послевоенного прошлого. Но что сулит Еве и ее друзьям разгадка старой тайны, если на одной чаше весов любовь, а на другой жизнь.

© Чайка М., 2021

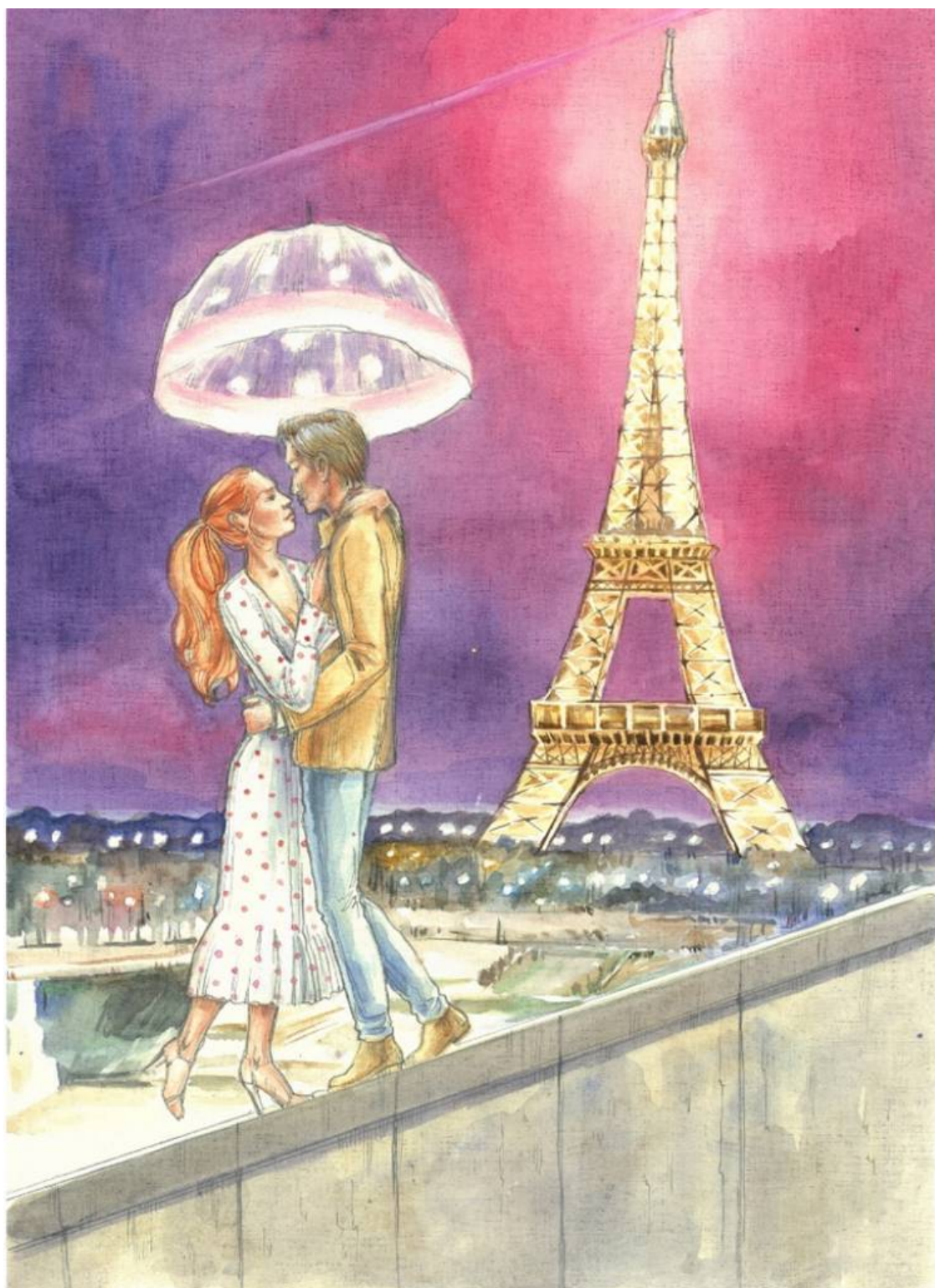
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Вечная весна	7
Глава 2. Перейти черту	21
Глава 3. Двойное свидание	30
Глава 4. Синица в руках	39
Глава 5. Басилевс	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мирослава Чайка

Элитная западня. Часть вторая. Сокровища Гериона

Глава 1. Вечная весна

Герман чувствовал тупую давящую боль в области груди. Лишённый возможности глубоко вздохнуть, он силился открыть глаза, и когда с большим трудом все-таки смог это сделать, то понял, что виной всему было какое-то белое облако. Упругое и плотное, оно не только мешало дышать, но и закрывало обзор, не давая понять, где он находится. Еще немного поморгав, юноша попытался сфокусировать зрение и осознал, что облако, явившееся его взору, состояло из белого нейлона. От нереальности происходящего он решил, что спит, и снова обессиленно опустил веки. Сознание начало отключаться, перед глазами, словно вспышки, стали мелькать воспоминания в виде ярких цветных картинок: заплаканное лицо Евы, с катившимися по разгорячённым щекам крупными слезами; ее припухшие чувственные губы, обрамленные тонкой красной полоской; тихо игравшая музыка, которая все еще звучала в его голове. Ева, уставшая от слез, медленно хлопала длинными ресницами, поворачивала к нему лицо и, недоумевая, спрашивала снова и снова, как в перемотке:

– Герман, как они могли? Зачем они так со мной?

Слезы, словно капельки утренней росы, застывали на ее белоснежном жабо, она снова переводила на него взгляд и еле слышно произносила:

– Герман, как они могли?

Потом в его памяти промелькнуло другое воспоминание: он взял Еву за руку, чтобы успокоить, и повернулся к ней, тонкий силуэт в белой блузке отчетливо читался на фоне темного окна, Герман потянулся к ее лицу и вдруг почувствовал резкий толчок, услышал пронзительный звук тормозов и оглушительный удар подушки безопасности в лицо, и все пропало.

Юноша быстро открыл глаза, полностью приходя в сознание, с ужасом понимая, что это вовсе был не сон. Он осознал, что все еще крепко сжимал рукой Евины тонкие пальцы. Страх сковал тело, и он не мог найти в себе силы повернуть голову в ее сторону, чтобы удостовериться, что она жива...

* * *

Безупречно спланированный и идеально ухоженный парк Родена для Евы был самым романтичным местом Парижа, а весной особенно. Его ровные аллеи, усаженные тисами и липами, каменные вазоны с цветами, поле тюльпанов радовали глаз в то время, когда в Северной столице еще были засыпаны снегом улицы, а черные ветки деревьев тосковали по весеннему солнцу.

Ева, радуясь теплему дню, подставляла слепящим лучам улыбающееся лицо, рассказывая друзьям о самом эпатажном скульпторе XX века. Она быстро переходила от одной скульптуры к другой, с восторгом говоря о «Гражданах Калле», «Мыслителе», который сразу был ими узнан, взволнованно вспоминала «Божественную комедию» Данте, стоя у «Врат ада», а потом грациозно махнула рукой в сторону «Трех теней» и потащила всех к памятнику Бальзака, вызывающему у многих неоднозначные эмоции, и только в завершение наконец замерла у своей любимой скульптуры этого сада – «Адама».

– Смотрите, какая мощь, какое мускулистое тело, а руки, сильные и одновременно имеют безупречные формы, именно такие должны быть у настоящего мужчины, – начала Ева, медленно обходя изваяние, внимательно глядясь в каждый разворот бронзового тела.

– О, да ты, я вижу, любительница подкачанного торса, – отозвался Герман, обогнув скульптуру с другой стороны. Он шурился от яркого солнца и не пытался сдерживать своей улыбки, хотя и понимал, что, скорее всего, выглядел глупо из-за выражения блаженного счастья, которое очень явно читалось на его лице. Юноша подошёл к Еве сзади, стараясь увидеть

«Адама» ее глазами, и, почувствовав запах цветков апельсина, исходящий от волос девушки, не удержался, обхватил ее руками и прижал к себе.

Герман уже несколько месяцев мечтал об этой поездке, но все в их с Евой жизни мешало осуществить задуманное. Перед Новым годом, когда в галерее исчезли путевки на запланированные «романтические каникулы в Париже», юноша еще не догадывался, что это был своего рода сигнал, указывающий на то, что поездку стоит отложить. События одно за другим начали строить препятствия на их пути. Сначала у Евы тяжело заболел дедушка, они с Натали отправились в Крым и все каникулы провели у постели больного, потом сессия, которая у Германа плавно перетекла в практику, и следом еще уйма дел, не позволяющих выехать в Париж даже на пару дней. И только к концу апреля Герман, наконец, услышал от Евы долгожданное согласие на поездку. Правда девушка заявила, что отправляться в путешествие вдвоем как-то неприлично и что она примет его предложение, только если Лана поедет с ними в качестве «так сказать, компаньонки». И вот сегодня они втроем вышли из такси на премиленькой, как назвала ее Ева, улице Бельшас седьмого округа Парижа и поднялись в просторные апартаменты с двумя спальнями. Поскольку французы обладают врождённым чувством стиля, то интерьер, в котором друзьям предстояло провести ближайшие четыре дня, поразил всех без исключения. Стены небольших комнат были выкрашены в цвет речного перламутра и играли солнечными бликами теплых лучей, поступающих через стеклянные проемы французских балконов. Ева обожала эти балкончики, они казались ей игрушечными, она тут же подбежала к одному из них и, распахнув стеклянные двери, перевесилась через ажурные перила.

– Постой, солнышко, не делай так, ты же вывалишься, – испуганно воскликнул Герман, удерживая ее за талию.

– Да ладно тебе, всего лишь третий этаж, я раньше жила на двадцать пятом, вот то было опасно, – веселилась Ева, но не прошло и минуты, как балкон ее перестал волновать, и она начала внимательно рассматривать антикварные предметы интерьера, умело вписанные в современный дизайн. В гостиной напротив светло-серого дивана эффектно выступал из стены камин, украшенный причудливой лентой барельефа, изображающей шествие всадников в доспехах. Ева попыталась понять, к какому времени можно отнести этот военный парад, но сосредоточиться не смогла, ее сразу захватил вихрь других впечатлений.

– Невероятно, мы будем обедать словно в музее, – продолжала восторгаться Ева, переходя от антикварного комода с бронзовыми ручками к большой скульптуре средневекового рыцаря. Потом она выглянула в угловое окно и радостно воскликнула: – Насколько я понимаю, если идти по Бельшас, никуда не сворачивая, то можно оказаться в музее д'Орсе, а если повернуть направо от нашего дома, то через пару минут мы окажемся в парке Родена!

Девушка просто светилась от счастья и, восторженно обхватив Германа за шею, чмокнула его в щеку.

Герман в этот момент упивался своим триумфом, он, по научению Авроры Александровны, долго искал жилье именно на этой улице. Пожилая дама специально для него вывела у Евы любимые музеи и места в Париже, а потом дала юноше чёткие инструкции, куда купить билеты и какие подарки сделать ей в самом романтическом городе на земле. И теперь юноша начал пожинать плоды проделанной работы. Он легко приподнял Еву от земли, обеими руками прижимая к себе, а потом, загадочно улыбнувшись, произнес:

– А теперь пойдем, я покажу тебе нашу спальню.

Но увидеть Евину реакцию ему не удалось. Ева сделала несколько шагов по направлению к спальне, как вдруг замерла у огромного старинного гобелена, который висел на стене у обеденного стола. На нем вместо классического пасторального сюжета был изображён великан, размахивающий перед собой огромной палицей. С лица Евы мгновенно стёрлась улыбка, и ее радостное настроение сменилось озабоченностью. Она подошла поближе, провела рукой по

правому краю жёсткого старинного полотна, потом, оттянув от стены, взглянула на его изнанку и покачала головой:

– Надо же, какое кощунство, – тяжело вздохнув, задумчиво произнесла девушка и плотно сжала губы, потом, помолчав несколько секунд, внимательно разглядывая изображение и что-то прикидывая в уме, твердо добавила: – Как же у них рука поднялась сделать такое?

– Что не так, дорогая? По-моему, вполне симпатичный богатырь, прямо Добрыня Никитич, – пристально наблюдая за Евиными действиями, удивился юноша.

– Нет, Герман, это Геракл.

– И откуда тебе известны такие подробности, здесь ничего не написано?

– Если видишь изображение атлетически сложенного юноши с палицей в руках и львиной шкурой неподалеку, то можешь смело утверждать, что это Геракл.

– Отлично, буду знать, в следующий раз не попаду впросак, – шутил Герман, притягивая к себе девушку, и, взглянув в ее все еще расстроенное лицо, добавил: – Мне кажется, ты произнесла слово «кощунство»?

– Ну да, этому гобелену лет триста, а может, и больше, а от него кто-то взял и отрезал кусок. Разве это не кощунство?

– С чего ты взяла? По-моему, край так мастерски обработан, может, так все и было.

– Не думаю, Геракл точно с кем-то сражается, видишь, как тело напряжено, мускулы налились, словно стальные, и он палицей на кого-то замахивается. Разве художник стал бы изображать Геракла, сражающегося с собственной тенью?

Тут в комнату, словно поток свежего ветра, влетела Лана, хлопнув дверью своей комнаты, и громко прокричала:

– Я в окно видела верхушку Эйфелевой башни, пойдемте скорее туда!

Она тут же начала натягивать куртку, одновременно заталкивая ногу в кроссовок, а потом перевела взгляд на друзей и, выпучив свои круглые, словно черные пуговицы, глазки, спросила:

– Что это вы такие напряженные?

– Да вот, Ева расстроилась, что кто-то отрезал кусок от старинного гобелена.

– Ну и правильно, если бы он был больше, то не поместился бы на этой стене, а так коврик вполне пришелся в пору. Вернемся, будем пить чай за столом и глазеть на этого голого мужика, – весело тараторила Лана, протягивая Еве куртку. – Ну что, погнались?

На Эйфелеву башню молодым людям в тот день попасть не удалось. По пути Ева уговорила их зайти в парк Родена и, чтобы они наверняка согласились его посетить, сообщила, что скульптуры этого мастера в свое время вызывали скандалы и отвергались заказчиками по причине чрезмерной сексуальности. После парка они какое-то время гуляли по Марсовому полю, и когда, наконец, добрались до башни, то нескончаемая очередь остудила их пыл. Ева, не любившая лифты, в которых застревала не раз, решила, что подниматься на башню с помощью древнего механизма все равно не будет, и, взяв с Германа слово, что он завтра же удовлетворит Ланино любопытство и покажет ей Париж со смотровой площадки этой всемирно известной башни, потащила их в еще одно место Парижа, где, по ее мнению, должен побывать каждый человек на земле.

– Чтобы не терять времени, может, отправимся на остров Сите? – предложила Ева и, не дожидаясь ответа, пошла к остановке такси. В отличие от Рима, служба такси, да и сами таксисты Еве в Париже нравились. Машины всегда были безупречно вымыты, а водители, открывая тебе дверцу автомобиля, приятным голосом, слегка улыбаясь, приветствовали неизменным: «Bonjour, madame! Bonjour, monsieur!». Вообще мужчины в Париже заслуживали особого внимания, они, как павлины, шествовали рядом со своими неприметными дамочками в отличных костюмах и наутюженных рубашках, а их пышные шевелюры и красивые черты лица с крупными глазами и носом с горбинкой заставляли задерживать на себе взгляд. Хоть и считается,

что парижанки прекрасны в своем роде, у Евы на этот счет было собственное мнение – парижские мужчины, бесспорно, затмевали своих дам.

Выходя из машины, которая только что пересекла широкий мост и остановилась на самом посещаемом острове города, Ева восторженно смотрела на знаменитый собор Парижской Богоматери. Она очень любила архитектуру, и этот великий католический храм всегда поражал ее воображение. Ева подняла голову, чтобы полюбоваться его шпилями на фоне высокого голубого неба, и даже мечтательно прикрыла глаза от удовольствия, как почувствовала, что кто-то дергает ее за рукав.

– Ева, мне так неудобно перед Германом, но я снова хочу есть. Думаю, если я целыми днями буду твердить про еду, то он решит, что я жуткая обжора. Может, это ты предложишь перекусить?

Ева заулыбалась.

– Значит, ты хочешь, чтобы Герман подумал, будто обжора – я?

– Да ну, ты такая тощая, он будет только рад тебя покормить, – отозвалась подруга. – Ты же знаешь, когда моим разумом начинает управлять желудок, я совершаю странные поступки, так что лучше предупредить катастрофу.

– Ну хорошо, только потом пойдем в Нотр-Дам, и не вздумай капризничать, сегодня такой день, когда в соборе выносят терновый венец Иисуса Христа.

– Ладно, тогда пойдем вон в то кафе, видишь, на краю площади? – увлекая за собой подругу, начала Лана, пока Герман покупал билеты для подъема на крышу собора. – У меня в комнате на тумбочке лежала вот эта открытка, здесь написано, что это кафе – старинное заведение, и там, кроме замечательной еды, можно найти еще много интересного.

Предложенное Ланой кафе молодым людям понравилось, правда, как ни просила Ева поильнее прожарить ей стейк, он все равно плавал на тарелке в розовой сукровице, поглотившей весь гарнир. Но зато десерт под названием «крем-брюле» был настолько нежным и воздушным, что Ева тут же простила шеф-повару его недожаренное мясо, думая, что просто молоденькая официантка не знала английского и не смогла понять, что означали слова «well done».

Утолив голод и слегка отдохнув, молодые люди, прежде чем отправиться в собор Парижской Богоматери, решили купить с собой что-нибудь сладкое. Девушки направились к витрине, чтобы выбрать выпечку, но по пути задержались у старинных напольных часов, неустанно двигающих блестящим маятником и каждую секунду съедающих драгоценное время посетителей этого кафе. Не успели подруги обсудить быстротечность времени, упражняясь в остроумии, как на них обрушилось настоящее потрясение. На центральной стене, позади продавца круасанов, красовался старинный гобелен, и он, без сомнения, был второй частью шедевра, висевшего в их квартире на Бельшас.

– Герман, иди скорее сюда! – позвала Ева, вздрогнув от неожиданности и сделавшись неестественно бледной, и продолжила, понизив голос: – Смотри, недостающая часть нашего гобелена, я же говорила, что его кто-то порезал.

– Вот это совпадение, ни за что бы не поверил, если бы не видел своими глазами, – приглядываясь к непонятному сюжету, произнес Герман и хотел попросить продавца отойти в сторонку, чтобы он не закрывал изображение, но девушка его остановила.

– Постой, Гера, это вовсе не совпадение, – еле слышно проговорила Ева и, обратившись к подруге, наклонилась почти к самому уху, разжигая ее любопытство, прошептала: – Лана, ты видишь кто изображен на гобелене?

– Трехголовое чудовище.

– Это не чудовище, это же наш Герион, понимаешь?

– Ничего себе, ты думаешь, это неспроста? Ой, Евочка, мне что-то страшновато. Знаешь, если бы мы были дома, то и тогда было бы жутковато, а в чужой стране и подавно, – Лана

схватила подругу за руку и предложила поскорее покинуть это, теперь показавшееся уже не таким приветливым, заведение.

– Да не бойся ты. Помнишь сообщение, которое мне пришло утром на телефон для заданий от Гериона?

– Что-то типа: «Герион всегда с тобой, а ты с Герионом», так, что ли?

– Ну да, думаю, все это неспроста, это очередное задание, просто нужно очень внимательно рассмотреть этот гобелен.

Внезапно продавец обратил внимание на странно жавшихся друг к другу молодых людей и, сбрасывая с себя сонливость, решил пообщаться с ними. Он поправил длинный черный фартук, а затем вышел из-за прилавка с небольшой фаянсовой тарелочкой нежно-голубого цвета, на которой лежало три печенья с предсказаниями. Приветливо заговорил на французском языке, протягивая им тарелку, предложил испытать свою судьбу. Ребята настолько были взволнованы, что в первую секунду уже хотели отказаться, но Ева дернула Лану за руку и, мило улыбнувшись французу, проговорила своим волшебным голосом:

– Ребята прочтут предсказания, а я можно рассмотрю ваш гобелен, он такой необычный.

Мужчина был не против, а Ева тут же прошла за прилавок и, досконально исследовав старинное полотно, украдкой хотела сделать несколько снимков, но зоркий продавец, несмотря на свою флегматичность, успел предупредить ее действия, сообщив, что фотографировать в их кафе запрещено. Тогда Ева провела рукой по краю плотного запыленного гобелена и заметила, что нижняя часть в виде каймы отличалась от основного полотна и, скорее всего, была пришта к нему значительно позже. А текст, который несколько раз повторялся, образуя стройный орнамент, девушка поспешила перевести и запомнить.

Когда за молодыми людьми захлопнулась дверь старинного кафе и они втянули в себя воздух, наполненный прозрачной влагой протекающей неподалеку Сены, Ева, полная любопытства и растерянности, что-то прокручивая голове, безучастно спросила:

– Ну что там вам напорочили печеньки?

– Мне любовь, – задорно произнес Герман, прижимая к себе Еву и чмокнув ее в щеку, но по его смеющимся глазам было件нятно, что он говорил неправду.

А Лана записку с предсказанием сохранила и, порывшись в кармане, достала вместе со скомканной салфеткой.

– У меня вот что: «Иногда думайте и о себе».

– Ладно, это все ерунда, вот на гобелене было сказано, что чтобы выполнить задание, вначале нужно найти статую Людовика XIV.

– Так прямо про задание и написано? – вытаращив глаза, спросила Лана, машинально снова засовывая скомканные бумажки себе в карман.

– Ну конечно нет. Если полагаться на мои знания французского, то написано было примерно следующее:

«В тот день, когда отдыхает Бог

И солнце стоит в зените,

Чтобы открыть драгоценный чертог,

Четырнадцатого короля отыщите.

В Люксембургском саду,

Где страшный циклоп

Пугает свою Галатею,

Спешите присесть там, где замер поток,

Атрибуты украсят аллею».

Лана, будучи страстной любительницей приключений, от радости, что им предстоит выполнить такое таинственное задание, даже руками всплеснула:

– Вот это загадка, тут нужен настоящий мозговой штурм. Давайте все по порядку. Первое – «в тот день, когда отдыхает Бог» – это, естественно, воскресенье. Второе – «солнце стоит в зените» – это, следовательно, полдень.

– Да, ты записала? – задумчиво проговорила Ева, и по ее блуждающему взгляду было понятно, что она силится что-то вспомнить. – Если здесь дальше написано «чтобы открыть драгоценный чертог», значит, мы должны в конце что-то найти, но прежде нужно разыскать четырнадцатого короля.

– Кроме Людовика, четырнадцатого короля больше не было?

– Похоже, что нет, – вмешался в разговор Герман, проверяя королей в интернете. – Только вот непонятно, что это: картина, скульптура, а может, гробница?

– Здесь говорится про солнце в зените, а оно имеет значение только для скульптуры на открытом воздухе, значит, нам нужен постамент. Я знаю конную статую Людовика XIV у Лувра, – рассуждала Ева, а потом обратилась к Герману: – Посмотри, что есть еще в Париже.

– Еще конная статуя на площади Победы.

Молодые люди весь остаток дня пытались разобраться с памятниками. Вначале около часа провели у Лувра, потом не удержались, зашли внутрь и блуждали по просторным прохладным залам этого необыкновенного музея, позабыв о времени. А когда небо Парижа невидимая рука ночи затянула синим сатином, украсив его крошечными звездами, друзья приехали на площадь Победы и стали прохаживаться вокруг еще одной статуи Людовика XIV, выискивая что-то, что могло послужить подсказкой.

– Завтра у нас суббота, значит, остался всего один день, чтобы разобраться с атрибутами, поскольку в воскресенье в полдень мы должны быть в Люксембургском саду, – уже совсем без энтузиазма произнесла Лана, повиснув на руке подруги.

– Я ужасно устала, на сегодня все, – ответила Ева, но домой все же решили еще не идти, а, купив мороженого, отправились гулять на Елисейские поля. И когда ребята за полночь сели пить чай у гобелена с изображением Геракла у себя на Бельшас, сил почти не осталось, но настроение было радостное от необыкновенных впечатлений, переполняющих их юные души.

– Герман, ты не забыл, что мы с тобой рано утром идем штурмовать Эйфелеву башню? – говорила Лана, похрустывая ароматным багетом. – Соня Ева, конечно, не пойдет с нами, но мы снимем для нее видео.

– Да, увольте, этот подъем точно не для меня, – отозвалась Ева, вспоминая, сколько времени ей пришлось просидеть с Юрой в застрявшем лифте, и теперь она подозревала, что у нее развилась фобия на этот счет.

– Ладно, девчонки, я в душ и спать, да вы тоже не засиживайтесь, завтра нас ждет много интересного, – вставая из-за стола, произнес Герман, убирая за собой чашку с блюдцем.

Девушки еще какое-то время пошушукались, вспоминая свою поездку в Рим с Союзом стального кольца, и, совсем разомлевшие от горячего чая, тоже отправились спать.

Когда Ева переступила порог слабоосвещенной спальни, Герман уже был в кровати и что-то читал в небольшом ноутбуке, лежащем поверх одеяла. Он поднял свои красивые голубые глаза, несколько секунд смотрел на нее, а потом снова перевел взгляд на экран. Еве показалось, что он был безучастен к ее появлению в их спальне, и это ее даже немного задело. Но она ошибалась, юноша неустанно следил за ее действиями, стараясь не показывать своего волнения. Он видел, как Ева раскрыла створки платяного шкафа, в котором он аккуратно развесил ее вещи, потом заметил, как она выдвинула верхний ящик комода и извлекла из него невесомое, как кружевное облако, белье, затем взяла какие-то флаконы с туалетного столика и пошла в ванную комнату, дверь которой находилась с левой стороны от их большой кровати. Герман, услышав звуки включившегося душа, отложил ноутбук. Ему вдруг стало нестерпимо жарко, ладони вспотели, он откинул одеяло, встал, прошелся по комнате, открыл окно и, как только понял, что вода перестала литься, тут же вернулся в кровать. Через несколько минут в комнате

снова появилась Ева, она что-то сняла с плечиков в шкафу и вернулась в ванную, неплотно притворив за собой дверь. Теперь Герман мог видеть Еву в зеркало, висевшее у фаянсовой раковины. Она долго сушила волосы феном, потом наносила на лицо крем, другой, из совсем маленькой округлой баночки, намазала на губы, потом сняла серьги, не зная, куда их положить, глубоко вздохнула и исчезла из поля зрения юноши. Через минуту опять подошла к зеркалу, расчесывая блестящие каштановые волосы, побрызгав на них духами из хрустального флакончика. Герман чувствовал, что она медлит, что-то обдумывает и не может найти правильного ответа, а когда увидел, что Ева взяла и поверх шёлковой ночной рубашки надела халатик с широким кружевом на длинных рукавах и, сильно запахнув его полы, туго перевязала поясом, понял, что пришло время вмешаться.

– Можно к тебе? – открывая дверь ванной, произнес юноша и, получив одобрительный ответ, прошел и стал позади девушки.

Сейчас они смотрели друг на друга в зеркало в широкой лаконичной раме и были похожи на портрет красивой супружеской четы.

– Я уже потерял надежду увидеть тебя, решил, что ты всю ночь проведешь здесь, – шутил юноша, беря Еву за плечи сильными руками.

Ева промолчала, она только улыбнулась ему в ответ, глядя в отражение, и подумала, что его руки очень похожи на руки роденовского Адама, которого они утром так внимательно разглядывали в парке. Она немного подалась вперед и начала заплетать волосы в косу.

– А можно я попробую сделать тебе косу? – неожиданно спросил Герман, проводя рукой по ее волосам.

– Ты умеешь?

– Не знаю, ну, в общем, как это делается, я догадываюсь, но на волосах еще ни разу не пробовал, думаю, мне этот навык теперь жизненно необходим, – он тут же сделал три пряди из мягких Евиных локонов и начал неумело их заплетать. – Ева, дорогая, судя по всему, у тебя еще ни с кем не было близких отношений?

Этот вопрос обрушился на Еву, как снежная лавина, она на несколько секунд растерялась, а Герман вдруг почувствовал, что еще никогда в жизни так не волновался, находясь рядом с девушкой, его сердце сначала замерло, а потом неестественно хлюпнуло, и кровь с силой застучала в висках. Их взгляды снова встретились в зеркале, и Ева в ответ только опустила ресницы. Он хотел ее приободрить и успокоить, но вдруг понял, что нервничает гораздо больше, чем она.

– Милая, пойдем спать. Не переживай, ты же помнишь, я обещал, что все теперь в нашей жизни будет, только если ты сама этого захочешь, я готов ждать сколько угодно. Мы не сделаем ничего такого, о чем бы ты могла пожалеть утром.

Еве показалось, что сейчас она выглядит, как глупая маленькая девочка, и, тут же поборов в себе волнение, она засмеялась, вскинула на Германа огромные глаза и игриво произнесла:

– Герман, я боюсь только за тебя, вдруг в дальнейшем у нас с тобой ничего не получится, ты тогда же умрешь, сгорая от любви, – на ее щеках от улыбки образовались крошечные ямочки, делая ее еще очаровательней. Она распустила неумело заплетенную Германом косу и хотела сказать что-то забавное, но юноша повернул ее к себе лицом и совершенно серьезно произнес:

– Ты меня плохо знаешь, я никогда не сдаюсь, я сделаю все, чтобы ты была счастливой и не захотела уйти от меня.

– А вдруг у тебя ничего не выйдет.

– Еще как выйдет, вот, например, сейчас я точно знаю, как доставить тебе удовольствие.

Герман, словно пушинку, поднял ее на руки и понес в кровать. Там осторожно, как самое дорогое сокровище, уложил на подушки и начал развязывать пояс скользящего под руками халата. Он не спускал глаз с ее совсем еще юного лица и, чувствуя тепло прекрасного тела,

вдруг осознал, что Ева опоздала со своим, казалось бы, шуточным предостережением – любовь к ней уже поглотила его всего, без остатка. Он наклонился к ее лицу, нежно прикоснулся к чувственным губам, потом начал покрывать поцелуями ее шею, спускаясь все ниже и ниже. Когда Ева почувствовала, как Герман нежно, кончиками пальцев начал опускать бретельку ее ночной рубашки и эта шёлковая тонкая тесьма скользила по ее руке, обнажая грудь, она еле заметно вздрогнула, тихо вспыхнула и начала разгораться, как звездочка на ночном небосклоне. Герман тут же ощутил ее волнение, и жгучее желание с еще большей силой начало распалать его могучее тело. И если Ева думала, что самое главное – это вовремя остановиться, то Герман поймал себя на мысли, что так, пожалуй, даже интереснее. Это сладостное томление невозможности получить все и сразу делало его любовь более ощутимой, а эта нежная и безумно соблазнительная девушка с каждой секундой становилась все желаннее и желаннее. Он потянулся к настольной лампе, потушил свет и через несколько мгновений начал умело увлекать Еву за собой в сладостный мир наслаждений.

Утром Еву разбудил теплый поцелуй, она, еще не до конца отпустив негу приятного сна, приоткрыла глаза и увидела Германа уже одетого и аккуратно причёсанного. Он сидел на краю кровати и, любуясь ею, гладил своей широкой ладонью ее ухоженную руку.

– Извини, я не хотел тебя будить, просто мы с Ланой идем на Эйфелеву башню, а уйти, не поцеловав тебя, я не мог. Ты еще поспи, а мы на обратном пути раздобудем что-нибудь на завтрак. Что тебе принести?

– Пирожных, всяких разных, и круассаны, – с блуждающей улыбкой наслаждения произнесла Ева и потянулась, поднимая руки к своей длинной шее. Герман не удержался, еще несколько раз поцеловал ее, вначале бархатистую кожу шеи, потом улыбающиеся губы, а потом исчез из ее сознания, снова погруженного в приятный сон.

Завтрак был шумным и веселым. Стол ломился от сладостей, на большом белом блюде лежали присыпанные дроблеными орешками бланманже, похожие на сладкое молочное желе, шоколадный мусс, украшенный спелыми ягодами малины, обжаренные орехи в застывшем сахарном сиропе формировали ровные плиточки грильяжа, выложенные горкой. На небольшой тарелке с другой стороны стола красовались ромбики миндальных калиссонов, политых белой глазурью. В центре в вазе на высокой ножке стоял нетронутым десерт парфе, название которого с французского переводится как «безукоризненный». Ева чайной ложкой манерно отправляла себе в рот кусочки сочного клафути, напоминающего вишневую запеканку, в которой вишен было гораздо больше, чем всего остального. Наконец за стол села Лана, она держала в одной руке тонкий высокий стакан, а в другой откупоренную стеклянную бутылку кока-колы, которую в Париже принято пить с ломтиком лимона, и, разглядывая заваленный сладостями стол, произнесла:

– Ну что, подведём итоги вчерашних поисков. Есть у нас атрибуты для завтрашнего похода в Люксембургский сад или мы просто так туда отправимся?

– Знаете, пока вы бегали на свою башню, мне в голову пришла интересная мысль. Думаю, мы ошиблись с Людовиком. Нам снова нужно ехать к собору Парижской Богоматери. Помните, на его фасаде есть галерея королей, их там двадцать восемь, и, по-моему, четырнадцатый отличается от всех остальных.

– Странно, я бы никогда не подумал, что эти выстроенные в ряд над входом мужчины на самом деле короли. Зачем на храме изображать не библейских героев? – протягивая Еве чашечку с ароматным кофе, спросил Герман. Он не считал себя знатоком готической архитектуры, поэтому без стеснения задавал все интересующие его вопросы. Он не боялся выглядеть глупым или смешным в обществе Евы, будучи уверенным, что она его не осудит.

– Знаешь, Герман, ты прав. Изначально на этом месте были действительно установлены ветхозаветные цари Израиля и Иудеи, эти скульптуры, по замыслу создателей собора, должны были представлять предков Девы Марии. Но во времена Французской революции их сбросили

на землю и обезглавили, так как фигуры в коронах XIII века ошибочно были приняты за французских королей, а символы монархии в то время безжалостно уничтожались. И теперь эти восстановленные скульптуры называют галереей королей.

– Ева, какая же ты молодец, погнали к поддельным королям! – весело произнесла Лана, затапливая в рот круассан с миндальной начинкой.

В шесть часов вечера, стоя у зеркала в платье из струящегося шелка, Ева была вне себя от злости. Она не могла дождаться, когда Герман застегнет застёжку на колье, изысканно дополняющем ее вечерний наряд, и пойдет в спальню одеваться сам, а она, наконец, сможет переговорить с Ланой и выразить свое негодование. И как только Герман объявил, что такси приедет через двадцать минут, и прикрыл за собой белую филёнчатую дверь, Ева, еле сдерживая гнев, повернулась к Лане и выпалила:

– Дурацкая идея! Почему ты меня не предупредила, что Герман купил билеты в «Мулен Руж»?

– Я и не думала, что ты будешь против, это же так прикольно, – ответила Лана, брызгая лаком на слегка подкрученные волосы. – Мы возвращались после подъёма на Эйфелеву башню, он предложил сделать тебе сюрприз, и я его поддержала, а что не так?

– Ну, мне бы не очень хотелось, чтобы Герман битых два часа паялся сразу на такую кучу обнаженных грудей.

– Ой, Ева, не смейся, с такой внешностью и харизмой, как у Германа, думаю, он видел гораздо больше голых девушек, чем нам покажут сегодня, – отозвалась Лана, хлопнув подругу по плечу, а потом прищурилась и, расплывшись в таинственной улыбке, спросила: – А что это ты не рассказываешь, подруга, как у вас прошла первая ночь? Я весь день не могу дождаться, когда мы останемся наедине, чтобы услышать подробности.

– А нечего рассказывать.

– В смысле?

– Ничего не было, ну, то есть, самого главного не было.

– Ева, почему, неужели он тебе не нравится?

– Отчего же, нравится, даже очень. Просто, ты же знаешь, у меня тайный роман с Алексом, и пока я ни с кем не сплю, то и не чувствую себя падшей женщиной, будто я все еще выбираю, кто мне из них больше подходит.

– И как Герман это воспринял? Ему-то уже двадцать один, и он явно привез тебя в Париж не за ручки держаться.

– Сказал, что готов ждать, думаю, у него на меня далеко идущие планы.

– А у тебя на него?

– Сложно сказать, иногда кажется, что я его безумно люблю, а как подумаю об Алексе, так сердце начинает бешено колотиться. Вот, например, сегодняшний поход в «Мулен Руж», уверена, Алекс бы меня пригласил скорее в музей д'Орсе, – протяжно произнесла Ева, представляя себя вместе с Алексом у картины «Олимпия» Эдуарда Мане.

– Конечно, Ева, ведь Алекс – тот еще святоша, – проронила саркастично Лана.

Миновав яркие афиши и сверкающую теплыми огнями красную мельницу, Ева, Лана и Герман в изысканных вечерних туалетах оказались в холле одного из самых знаменитых кабаре мира. Ева улыбалась через силу, стараясь не показывать вида, что недовольна. Ей не хотелось, чтобы Герман догадался о ее внутренних переживаниях, да еще столько времени провести на одном месте в новых туфлях на высоких каблуках было невыносимо.

– Странно, что за ерунда, почему у нас приходишь в театр и в холле можно присесть, зайти в кафе, пройти в зал, а здесь собрали всех, словно стадо овец, и даже сесть некуда? – наконец устало произнесла Лана то, что Ева не решалась озвучить.

– Ничего девчонки, еще немного и все ваши мучения будут сполна вознаграждены, – уговаривал их Герман, искренне переживая за то, что Ева испытывает неудобства. Но он был прав. Как только открылись двери зрительного зала и их посадили за столик у самой сцены, все сомнения по поводу этого мероприятия рассеялись без следа. Вверх полетели пробки от шампанского, казалось, все пространство вокруг затянуло красным бархатом, искрившимся в свете огней, развешенных по всему зрительному залу. А когда открылся занавес и началось представление, Герман нагнулся к Евиному уху и еле слышно спросил: «Ну как тебе?» Она в ответ описала свои впечатления одним словом: «Феерично!»

Глядя на прекрасных танцовщиц, окутанных в стразы, шёлк, шикарные перья и сверкающую мишуру, умело сочетающих кокетство с достоинством, Ева подумала, как было глупо и по-детски переживать, что это заведение может развратить ее Германа. И хотя «Мулен Руж» в прошлом и шокировал добропорядочных буржуа, сейчас нарядных зрителей, сидящих в зале с бокалами шампанского в руках, завораживали ошеломительные полеты воздушных гимнастов, выступления акробатов и мимов. Атмосфера безудержного веселья не была излишне фривольной, а больше походила на цирковое представление. Когда на сцене появился огромный бассейн с удавами и в него нырнула одна из солисток шоу, то у Евы перехватило дыхание. А главным элементом программы стал зажигательный канкан. Блеск пайеток, пышные юбки, точеные фигурки и стройные ножки танцовщиц, весёлые крики и зажигательные ритмы никого не оставили равнодушным. На протяжении всего представления атмосферу чарующего праздника создавала музыка оркестра из восьмидесяти музыкантов и превосходные голоса певцов, которые парили над залом в буквальном смысле этого слова.

После шоу настроение у ребят было на такой мажорной ноте, что домой идти не хотелось. Сначала они заглянули в маленький уютный ресторанчик, а потом гуляли до рассвета по узеньким старинным улочкам Парижа, по которым еще в средние века блуждали в ночной темноте влюбленные парочки, надеясь увидеть представления бродячих артистов. Так, держа под руку Германа и Лану, шла Ева, и предвкушение завтрашнего приключения в Люксембургском саду играло на ее красивом лице еле заметной улыбкой.

В апартаменты молодые люди вернулись, когда уже рассвело, приняли душ, позавтракали и, зная, что в 12:00 им нужно быть возле фонтана Марии Медичи, где по строкам на гобелене «Циклоп пугает свою Галатею», решили спать уже не ложиться. Нарядившись поудобнее, они отправились гулять по Люксембургскому саду, надеясь до полудня разыскать атрибуты, которые им удалось рассмотреть у четырнадцатой статуи в галерее королей. Фигура этого короля действительно отличалась от остальных, он одной рукой держал крест, другой меч, и у его ног, единственного из всех двадцати восьми, стояла собака.

– Все в сад! – выкрикивала Лана, забегая на территорию Люксембургского сада, не обращая внимания на безучастных французов и любопытных туристов, празднично гуляющих по ухоженным аллеям. Настроение у нее было приподнятое, она, будучи неисправимой мечтательницей, представляла себя ни больше ни меньше самой Марией Медичи, которую окружают тысячи подданных. В ее фантазиях статные симпатичные мастера строили для нее дворцы, сооружали фонтаны, писали портреты, а поэты, держа в руках страусиные перья, воспевали в стихах ее красоту.

Погода стояла сухая и солнечная. Сад, который был разбит еще в 1612 году по заказу французской королевы Марии Медичи, напомнил русским студентам земли Италии. Герман предположил, что такое впечатление создается из-за пальм, растущих в огромных кадках, и ярких цветников, разбитых повсюду.

– А мне кажется, что этот итальянский флер из-за большого количества водоемов и фонтанов, – рассуждала Ева, разглядывая зеркальную гладь пруда прямо у фасада Люксембургского дворца, где несколько мальчишек пускали кораблики и тут же плавали утки с маленькими утятами, а в самом центре журчал небольшой фонтан.

В Евиных глазах было столько радости и очарования от увиденного, что Герман тут же предложил взять парусные лодочки напрокат и тоже поучаствовать в этой импровизированной регате. Он притащил девушкам два парусника и небольшие шесты, похожие на кий, ими нужно было отталкивать суда от бортов фонтана. Лана быстро пустила свое судно и помчалась вдоль ограды, не замечая ничего на своем пути, тыча кием в борт, стараясь предотвратить кораблекрушение. А Ева начала рассматривать свой парусник, нежно касаясь пальцами дерева отполированного корпуса, а потом подняла судно перед собой, разглядывая на просвет паруса.

– Смотри, на бизань-мачте морской конек, – повернувшись к Герману, восторженно произнесла девушка, – и паруса легкие, белые, романтика!

Герман не видел морского конька, потому что не мог отвести глаз от Евы, она, словно юная Ассоль, держала в руках небольшой парусник, наполняя пространство вокруг себя негой. Ее длинные волосы развеивал ветер, заставляя их переливаться в солнечных лучах, как начищенная до блеска бронза, складки легкого платья напоминали настоящие паруса, которые надувались от порыва ветра и хлопали приятным глухим эхом, и, конечно, ее взгляд – взгляд, затуманенный романтическими мечтами, не замечающий ничего вокруг. Она не стала пользоваться кием, а, перегнувшись через ограду, бережно, двумя руками опустила корабль на воду и, слегка подтолкнув его, направила вглубь водоема, его тут же подхватил ветер и понес прямо к фонтану.

Когда девушки вдоволь наигрались парусниками и Герман, на правах старшего, собрал весь инвентарь и направился вернуть суда в прокат, его взгляд скользнул по круглым часам на фасаде дворца, и он, обернувшись к своим спутницам, встревоженно проговорил:

– Боюсь, мы не успеем к двенадцати, осталось всего пять минут.

– Бежим! – прокричала Лана, хватая подругу за руку, а потом перевела взгляд на Германа и, заметив его обеспокоенное лицо, добавила успокаивающим тоном: – Встретимся у фонтана Медичи, да не волнуйся ты так, я не дам Еве ввязаться в историю.

Таинственный и весьма необычный фонтан Медичи, или, как его принято называть, фонтан любви, был скрыт от посетителей под сенью деревьев, затерявшись в глубине сада. Столь уединенное место располагало к раздумьям о мирской суете под шелест листьев, журчание воды и редкий всплеск рыбы в пруду фонтана. Многие приходили сюда, чтобы побыть наедине с собой и прикоснуться к прекрасному, а кому-то этот фонтан, наоборот, казался мрачным и забытым.

Девушки, добежав до пруда, от волнения схватились за руки, пытаясь усмирить сбившееся дыхание и неистово стучащие сердца. Они несколько секунд стояли, оглядываясь по сторонам, а потом неспешно пошли к фонтану, зачарованные таинственным моментом.

– Расскажи мне про этого циклопа, Ева. Почему он так грозно смотрит на влюбленных? – шёпотом попросила Лана, не сводя глаз со страшной фигуры огромного одноглазого чудовища, свисавшего над парой обнимающихся влюбленных, уютно расположившихся у самой воды.

– Видишь, внизу прекрасная Галатея в объятиях Акида. Так вот, страшный циклоп Полифем тоже был влюблен в Галатею, а увидев свою возлюбленную с другим, рассвирепел и кинул в Акида кусок утеса.

– А что Галатея? – возмущенно спросила Лана, сжимая руки в кулаки, а потом вдруг рассмеялась: – Представляешь, если бы Герман был циклопом, Алексу тогда было бы несдобровать.

– Подожди, Лана, ровно двенадцать, ты видишь где-нибудь собаку, крест и кинжал?

– В стихе было сказано, что нужно присесть.

– Жаль, скамеек здесь нет, но вон есть металлический стульчик, ты попробуй присесть, вдруг что-то заметишь. А я пойду спрошу вон у того мужчины про наши атрибуты, может, он знает, где их можно найти.

– Хорошо, – усаживаясь, проговорила Лана, – он выглядит завсегдаем.

Худощавый господин, к которому решила обратиться Ева, стоял у пруда, высматривая разноцветных рыбок, периодически разрывающих водную гладь, выпрыгивая на поверхность, будто желая продемонстрировать людям свою яркую окраску. Возле ног этого уже немолодого мужчины терлась лохматая собака, время от времени задевая ушами край серого плаща. На его голове возвышалась фетровая шляпа, настолько тонкая, что понять, предназначена она для того, чтобы уберечь от холода или от солнца, было сложно. Он находился в такой глубокой задумчивости, что, казалось, природа и ее обитатели были лишь антуражем к фантастическим мирам, жившим в голове под этой выдавшей виды шляпой. Ева подошла и тоже взглянула на ярких рыбок, стайкой собравшихся у крошек корма. Девушка какое-то время молчала, боясь потревожить уединение мужчины, но потом набралась смелости и произнесла на французском:

– Простите, я могу к вам обратиться?

– Да, – не отрывая глаз от пруда, ответил господин безучастным голосом, – что вы хотели?

– Похоже, что вы часто приходите к этому фонтану. Может, вы знаете, где здесь найти собаку, крест и меч? Нарисованными или, может, барельеф?

Мужчина вздрогнул и резко повернул голову в сторону девушки, а затем словно заметил призрак, отвел взгляд и достал из кармана часы с оборванной цепочкой. Руки его так дрожали, что, казалось, еще мгновение и часы вывалятся, отправляясь в пруд к рыбам. Он замешкался, несколько раз переступил с ноги на ногу, дыхание его стало прерывистым, а лицо мертвецки бледным. Потом снова сунул часы в карман и всем телом повернулся к Еве, блуждая по ее лицу затуманенным взглядом.

– Сегодня же воскресенье, не так ли?

– Да.

– Вы даже лучше Галатеи, дядя Жером говорил, что вы необыкновенно красивы, но я не представлял, что настолько.

– Дядя Жером – это кто? – открывая глаза от удивления так сильно, что вокруг радужки появилось белое блестящее пространство, спросила Ева, не понимая, что происходит. И если бы этот странный господин не задал вопрос про воскресенье, которое было одним из условий в стихе, то она сочла бы его просто сумасшедшим.

– Жером – это мой дядя, – начиная приходить в себя, проговорил мужчина и потянулся к Евиной руке, чтобы пожать ее, – он погиб пятьдесят лет назад, выполняя задание.

– Значит, он говорил вам не о моей красоте, мне всего восемнадцать, – засмеялась Ева, чем окончательно смогла разрядить обстановку.

– Но как же, вы сделали все, как он сказал.

– Ничего не понимаю, можете объяснить, что я сделала?

– Пришли в двенадцать часов в воскресенье к фонтану и сказали слова пароля, – произнес господин, начиная приходить в себя. – Мне в то время было примерно лет шесть, и жили мы тогда еще в седьмом округе, а может, уже переехали, точно сложно сказать, столько лет прошло. Дядя Жером часто уезжал в командировки, а однажды перед отъездом подозвал меня к себе и сказал: «Запомни, Поль, если я не вернусь, ты должен вот это кольцо передать очень красивой девушке, такой красивой, какой больше не сыщешь на всей земле». Потом снял с пальца обручальное кольцо, поднес его к губам и, поцеловав, продел в него золотую цепочку, которую повесил мне на шею. Я тогда спросил, где же найду эту девушку, и дядя объяснил условия: фонтан любви в Люксембургском саду, воскресенье, полдень и нужно сесть на скамейку, на спинке которой был барельеф – собака, а с двух сторон от нее – крест и меч. Только ее уже давно снесли. А я все хожу сюда каждое воскресенье, по привычке, жду эту загадочную девушку. И вот дождался.

Мужчина вдруг отвернулся и смахнул слезинки, которые повисли на его густых ресницах.

– Все пятьдесят лет, каждое воскресенье? – не веря своим ушам, проговорила Ева, тоже растроганная рассказом.

– Конечно, ведь я обещал, – ответил Поль, затем расстегнул ворот клетчатой рубашки и снял с себя цепочку, на которой висело обручальное кольцо, украшенное несколькими синими сапфирами. – Вот, это теперь ваше.

Он так же, как и Жером, поднес кольцо к губам, поцеловал его и дрожащей рукой протянул Еве.

– И что я должна с ним делать? – волнуясь, спросила Ева, сжимая кольцо в своем маленьком кулачке.

– Если вы знали пароль, то, думаю, разберетесь, для чего применить это кольцо, – ответил мужчина, все еще находясь под гипнозом такого значимого события своей жизни.

Ева услышала уверенные шаги позади себя и, обернувшись, заметила Германа.

– Что тут у вас? – здороваясь с Полем кивком головы, спросил юноша, беря Еву за руку, словно боялся, что она собирается уйти с этим господином, потом окинул взглядом мрачный фонтан и вовсе обхватил девушку двумя руками.

– Ой, Герман, здесь такая романтическая история, – начала Ева, но потом осеклась, решив, что, может, не стоит болтать о том, что произошло, вдруг это тайна Гериона. Ей захотелось прижаться к Герману и услышать биение его сердца, ощутить его тепло, как доказательство жизни. Она прильнула к его груди разгоряченной щекой, думая о трагической истории любви, поведанной ей Полем, а потом захотела узнать, есть ли у него самая любимая женщина, но опоздала. Поль уже семенил в конце аллеи, еле поспевая за своим псом, и ни разу не повернул головы на смотревших ему вслед Еву и Германа.

Вернувшись из Люксембургского сада молодые люди, утомленные бессонной ночью, наскоро пообедали, и, пока Лана убирала со стола, Ева прошла в гостиную, где на диване лежал ее телефон, на который пришло несколько коротких сообщений от Алекса. Первое: «Скучаю», второе: «Куда ты пропала?» Девушка, перехватив взгляд Германа, не стала отвечать, а сидела, обняв руками колени, и думала о том, что ей рассказал Поль: о какой-то красавице, которую любил его дядя и которая так и не смогла забрать предназначающееся ей кольцо. «Наверное, ее уже тоже нет в живых, – прошептала Ева и прикрыла уставшие глаза, – интересно, а какое отношение имеет к этому кольцу Герион?»

Герман, видевший, что Еве постоянно кто-то шлет сообщения, которые вызывают на ее лице блаженную улыбку, был этим слегка раздражен. Он старался делать вид, что все в порядке, сидя за своим ноутбуком, но потом не выдержал и направился в гостиную, чтобы расставить все точки над i, поскольку был прямым и открытым человеком.

Ева, подложив руки под щеку, сладко спала на диване, а рядом на полу лежал ее телефон. Сонм необдуманных мыслей закружился в голове Германа, толкая его на предосудительный поступок, он присел у дивана и уже потянулся за телефоном, чтобы прочитать, кто и что писал Еве, как вдруг она открыла глаза:

– Герман, милый, ты мне снишься? – сонным голосом, нежно улыбаясь, прошептала Ева и ласково провела рукой по его щеке.

Юноша быстро отдернул руку от телефона и сел на край дивана.

– Почему ты не идешь спать в кровать? Да и в одежде тебе неудобно.

– Я надеюсь, ты мне pomoжешь ее снять, – совсем уже проснувшись, провокационным тоном ответила Ева и, потянувшись, обняла его за шею.

Герман тут же забыл про телефон, про свои переживания и подозрения, поднял Еву на руки и понес в спальню:

– У меня есть для тебя подарок.

Ева взяла в руки белоснежную коробку, развязала алую, как кровь, ленту и не могла поверить своим глазам. Внутри на стружках из красной бумаги лежала белая мраморная скульптурка – слившиеся в поцелуе влюбленные: хрупкая и беззащитная девушка запрокинула руку за голову, полностью открывалась перед своим возлюбленным, ничуть не сомневаясь в его

чувствах к ней. Она полулежала на руке избранника и с готовностью отвечала поцелуем на его поцелуй, а легкая нечёткость изображения и белая толща мрамора, слегка пропускающая свет, рождали впечатление чистоты и целомудренности этой любовной сцены.

Ева подняла на Германа глаза, которые блестели от нахлынувших эмоций, и восторженно прошептала:

– Герман, какая красота, это же «Вечная весна» Родена!

Глава 2. Перейти черту

Что толкает людей перейти черту, шагнуть через границы в бездну, совершить поступки, которые еще вчера казались немыслимыми? Может, всему виной отчаяние или жажда чего-то большего, чего в безопасном, привычном мире, по эту сторону черты человек найти не смог. А может быть, виной всему банальное любопытство, желание познать мир за пределами своих границ. Но от чего зависит итог этого шага? Кто-то, преступая черту, попадает в мир агрессии, преступлений, обмана, а другой, наоборот, оставляет по ту сторону границ свои страхи и получает шанс на успех и счастье? Наверное, дело в том, что эта невидимая черта – на самом деле застужка-молния, открыв которую мы выпускаем наружу нашу истинную сущность.

Это было последнее воскресенье апреля, еще несколько дней и начнется май, любимый месяц Темы. Он родился в мае и все детство ждал наступления этой поры, зная, что скоро придет день, когда он будет задувать свечи именинного торта, загадывать самые смелые желания и получит кучу подарков. Но на этом веселье не заканчивалось, двадцать пятого мая каждый год он отправлялся в лагерь для одарённых детей, где целый месяц с друзьями конструировал, мастерил и создавал что-то немыслимое. И хоть сейчас он был уже далеко не ребенком и через десять дней собирался отпраздновать свой девятнадцатый день рождения, на котором ему не дадут попробовать даже кусочка именинного торта, и в лагере его уже никто не ждет, все равно предвкушение майского веселья врывается в его комнату с лучами яркого весеннего солнца.

Тема проснулся раньше обычного, потому что они с отцом собирались на выставку ретро-автомобилей в Репино, а поскольку Валентина Ивановна уехала в Смоленск передавать свой опыт молодым преподавателям, юноша хотел приготовить завтрак отцу. Соловьев, как называла мужа Валентина Ивановна, не выносил никаких ограничений. На завтрак он любил жареный бекон с глазуньей из четырех яиц, крепкий черный кофе с большим количеством сахара и свежую сдобную булочку, намазанную толстым слоем сливочного масла. И хоть Валентина Ивановна предрекала ему проблемы со здоровьем и каждый раз предлагала сдать тест на холестерин, мужчина продолжал жить, получая удовольствие, не думая о последствиях.

Артем на цыпочках, чтобы не разбудить отца, прошел в ванную и, умывая лицо, размышлял, что к бекону сейчас добавит несколько долек помидора и жареный лучок положит на ломтик белого хлеба, он представлял, как отец, попробовав его кулинарный шедевр, произнесет свое любимое выражение: «Это истинное наслаждение, сынок». Тема знал, что для отца не было ничего важнее удовольствий, и, хотя мать осуждала такие его предпочтения, сам юноша еще не знал, как к этому относиться, но именно в эту минуту, находясь в хорошем расположении духа, решил, что это не так уж и плохо. Он, вытираясь махровым полотенцем, заметил при взгляде в зеркало, что улыбается, и тряхнул головой, словно стеснялся своего приподнятого настроения, но тут же вообразил предстоящую поездку в Репино, и широкая улыбка снова озарила его худенькое лицо. Юноша, еле слышно ступая, направился к кухне, не включая свет в коридоре, и тут услышал голос отца: «Да, встретимся, конечно встретимся», – говорил мужчина очень тихо, в свою очередь старался не разбудить сына. Тема уже собрался радостно ворваться в кухню и сообщить, что надеялся проснуться первым, но тут до его слуха долетела фраза, которая больно прошла по юному сердцу, словно удар хлыста: «Зая, я сейчас не могу, обещал сыну съездить на выставку, а как только отвяжусь от него, сразу к тебе, на всех парусах».

Тема окаменел, на него будто начало рушиться все самое ужасное, что только существовало на земле. Боль предательства, которую он ощущал, делала с его организмом что-то невыносимое, казалось, что в грудь попала бомба, еще немного, и она разорвет его на куски. Сердце бешено колотилось сначала в области солнечного сплетения, потом в горле и через несколько

секунд ударило в виски, мешая юноше здраво мыслить. Он слышал сдержанное хихиканье отца, уже не разбирая слова, сделал шаг и предстал перед ним в дверном проеме. Отец и сын мгновение молча смотрели друг на друга, а потом Тема, сжимая кулаки, постепенно заливаясь краской, с пульсирующей на шее веной, проговорил, и голос его был больше похож на стон:

– Убирайся к своей врачихе, ты нам с мамой не нужен, слышишь, уходи из нашего дома, я тебя ненавижу!

Плотно сбитый, высокий, с прямым длинным носом мужчина стоял на фоне ярко освещенного окна, и Теме было почти не видно, что выражали его глаза. Но что линия его тонких губ слегка исказилась и он, сделав шаг вперед, протянул к сыну руку, желая что-то сказать в свое оправдание, еще больше взбесило юношу.

– Не смей трогать меня! Я тебя ненавижу! – прокричал Тема и, трясясь всем телом, выскочил из квартиры, срывая вместе с курткой крючок от вешалки полированного гарнитура прихожей.

Он какое-то время просто бежал по улице, ничего не видя перед собой, хватая ртом потоки холодного воздуха, но потом почувствовал странный привкус во рту и, дотронувшись рукой до верхней губы, понял, что его нездоровый организм дал сбой. Рука была ярко-красной от крови, которая текла из носа, не причиняя ему никакой боли. Тема сел на скамейку троллейбусной остановки, запрокинув голову, услышал, как две старушки шептались у него за спиной: «Смотри, как парня избили, пошли скорее отсюда», потом послышались удаляющиеся шаги и все затихло.

Когда Тема пришел в себя, солнце уже было в зените, носовое кровотечение остановилось, оставив на его куртке несколько больших бурых пятен, и юноша, вытирая лицо рукавом, начал ловить такси. Все, что ему сейчас хотелось, так это увидеть Еву, прижаться к ней и расплакаться, как ребенок. Только она знала страшную тайну измен его отца, она вот уже шесть месяцев вместе с Темой скрывала это от Валентины Ивановны. И вот когда Теме начало казаться, что отец, наконец, нагулялся и вернулся в семью к их привычной жизни, услышать, что тот мечтает «отвязаться от сына», было невыносимо. Юноша, быстро перепрыгивая через ступеньки, влетел на третий этаж и с силой позвонил в квартиру номер тридцать пять. Дверь открыла Натали. Она стояла в бледно-розовом платье в пол с аккуратно уложенными светлыми волосами, глядя на гостя добрыми голубыми глазами. И хоть казалось, что все то же невозмутимое спокойствие выражал весь ее образ и все то же умиротворение веяло из квартиры, которая открывалась позади нее, залитая солнечным светом и ароматом цветов, но первый раз Тема услышал, что голос Натали слегка дрогнул:

– Артем, что случилось?

– Наталья Сергеевна, позовите, пожалуйста, Еву, – пытаюсь восстановить сбившееся от бега дыхание, выпалил Тема.

– А Евы нет.

– Мне ее срочно нужно увидеть, скажите, где я могу ее найти?

– Они еще в четверг уехали в Париж, ты сможешь ее... – но юноша не дал ей договорить, он как-то отшатнулся назад, устремил на Натали потемневший взгляд и не своим голосом спросил:

– Они?

Натали молчала, она видела, что Тема чем-то очень расстроен и эта новая информация только усугубляет положение, но юноша уже не мог остановиться:

– Она с Германом, да?

Дама кивнула, а потом дотронулась до его плеча и произнесла ласковым голосом, словно пыталась сгладить впечатление от неприятных ему слов:

– Тема, зайди, тебе нужно умыться, ты что, с кем-то подрался?

– Простите, мне пора, – отстраняя руку Натали, с горечью в голосе проговорил юноша и стрелой помчался вниз по лестнице.

Он выбежал во двор, врезаясь в грузчиков, которые привезли для кого-то новую мебель, потом, дергая ажурную калитку ограды, долго не мог выйти, пока не осознал, что она открывается в другую сторону, и когда, наконец, оказался на узком тротуаре улицы, то отчаяние, которое раздирало ему душу с неистовой силой, бросало его прямо в руки смерти.

Подойдя к обочине, Тема с горящим в груди сердцем смотрел на проносящиеся по дороге автомобили, тяжело дышал, вытирая капельки пота, выступившие на лбу, и представлял лицо Евы, когда она узнает, что он бросился под машину именно у ее дома. Потом воображал, как будет рыдать отец на его похоронах, и только гнал мысли о матери. Но, ступив одной ногой на проезжую часть, он понял, что не сможет этого сделать. Тема очень любил жизнь, и вот так быстро распрощаться с ней у него не хватило смелости. «Я лучше умру от гипергликемической комы», – прошептал юноша и, порывшись в кармане и отыскав банковскую карту, отправился в первое попавшееся кафе. Там, заказав гору десертов, которые не мог себе позволить уже много лет из-за болезни, один за другим отправлял их себе в рот, совсем не чувствуя вкуса, понял, что это не приносит удовлетворения. Он сидел, склонив голову на худые длинные руки, упираясь локтями в стол, и тихо ненавидел весь мир, перебирая в уме людей, которые хоть раз ранили его душу, потом позвал официанта и заказал себе вина. Темно-бордовая терпкая густая жидкость стекала по стенкам тонкого бокала, оставляя неровный след, Тема думал о верности. Поглощая один бокал за другим, он пытался успокоиться, но тепло от выпитого вина, разливаясь внутри его исхудалой груди, только разжигало огонь ненависти: к отцу, его любовнице и даже к Еве. Ему казалось, что все его бросили, забыли, предали.

Спустя час Тема уже плохо ориентировался во времени, он лежал в своей кровати с пересохшими губами и мучительным чувством жажды, сердце билось так быстро, что, казалось, скоро оно превратится в один еле заметный звук, силы не было даже для того, чтобы встать. Юноша понял, что ему нужна помощь, и так как матери в городе не было, то единственным человеком, который в любую минуту был готов откликнуться на каждую его просьбу, оставалась Инга.

Инга, увидев Тему, не на шутку перепугалась, он был бледным, руки дрожали, а глаза светились таким неестественным болезненным блеском, что можно было подумать, будто вечно веселого и беззаботного юношу вселился обессиленный, загнанный в угол зверёк.

– Тема, тебе плохо, что произошло? – сбрасывая на ходу куртку, взволнованно проговорила Инга, от переживаний ее голос сделался еще более сиплым и очень сильно раздражал юношу.

– Что непонятного, я наелся сладкого и теперь просто разваливаюсь на части.

– А инсулин, ты принял лекарство?

– А, да, инсулин, думаю, если уколоть его, то станет лучше, вот и займись этим, ты же пришла меня спасать, – Тема открыл дверцу тумбочки и начал нервно доставать флакончики с лекарством и тонкие одноразовые шприцы. Руки его не слушались, пальцы не могли удержать коробку с прозрачными пузырьками, они рассыпались по полу, издавая громкий звук стеклянного града, ударяющего не только по паркетной доске, но и по его страдавшему сердцу. Инга тут же начала собирать флаконы и один из них протянула парню.

– Зачем ты мне его суешь, сделай укол! Хоть кто-нибудь в этой жизни может обо мне позаботиться? – почему-то переходя на крик, заявил Тема и начал набирать лекарство в шприц.

Инга взяла в руки маленький, совсем тонкий прозрачный шприц с оранжевой полосой в верхней части и внимательно осмотрела крошечную иглу, потом перевела взгляд на Тему, стоявшего напротив с обнаженным торсом.

– Укол нужно сделать в живот, вот сюда, давай, не трусь, – нервно выкрикивал юноша, с каждой секундой все больше и больше распаляясь.

Страх сковал тело девушки и парализовал волю, кровь то отливала от ее щек, то обжигала их румянцем. Инга и без того жила в постоянном страхе. Это был страх не угодить матери или неправильно выполнить задание Тарэка, страх не справиться с обязанностями старосты и страх публичного порицания, а еще она боялась войны и эпидемии, но если раньше самым большим ужасом для нее было совсем потерять голос, то сейчас она испугалась потерять расположение Темы. Поэтому повернула шприц так, чтобы его игла смотрела в живот друга, стоящего перед ней и, нервно вздрогнув, ткнула им в мягкое бледное тело.

– Теперь все будет хорошо, – успокаивающе пробормотала девушка, радуясь, что смогла справиться с непривычной для нее процедурой, она смотрела прямо в глаза Теме, ожидая его одобрения. Но юношу ее слова еще больше взбесили.

– Что будет хорошо, что? Ты хоть представляешь, что я сегодня сделал? Я выгнал отца к его любовнице, и теперь маман все узнает, такого удара она не переживет.

Артем уже не сдерживал себя, он все кричал и кричал и никак не мог остановиться. Инга, стоящая напротив, какое-то время молчала, потом протянула руку к его рту и, нежно прикрыв его ладонью, еле слышно произнесла:

– Не надо, Тема, не кричи, Валентина Ивановна уже давно все знает, она просто боялась ранить тебя этой новостью. Моя мама еще месяц назад подготовила документы для развода.

Тема был в шоке, он столько времени хранил в себе это горе, притворяясь, инсценировал идиллические семейные вечера, чтобы мать не заподозрила отца в измене, а она старалась делать вид, что любит отца, чтобы только не расстроить сына. Страх причинить боль близкому человеку не давал им обоим возможности посмотреть правде в глаза и остановить повторяющееся изо дня в день предательство этого ценящего в своей жизни только удовольствия мужчины. Юноша сделал несколько глотательных движений, пытаясь избавиться от комка в горле, мешавшего ему дышать полной грудью. Он стоял с понурыми плечами, лицо выглядело усталым, лоб прорезали две глубокие морщины. Тема слегка приоткрыл рот, но ничего не смог произнести в ответ, а только тяжкий вздох вырвался из его уст. Инга подняла на него взгляд, полный сострадания, ей тоже приходилось испытывать подобные эмоции, ее родители разошлись, не щадя чувств своих дочерей, и теперь она была вынуждена лицезреть ненавистного Тарэка-старшего на своей кухне. Еще она знала по себе, как больному человеку хочется, чтобы его жалели и заботились о нем, но гораздо больше ему было нужно, чтобы его любили.

Девушка медленно начала расстегивать маленькие пуговицы своей трикотажной кофты бледно-голубого цвета, а затем как-то неловко стянула ее и положила на стул. Тема еще не до конца осмыслил услышанное относительно матери, был в замешательстве от действий Инги, а когда плотная юбка из буклированной ткани скользнула на пол, обнажая узкие бедра девушки, он хотел что-то сказать, но замялся, а потом быстро прижал ее к себе, чтобы не видеть нагого тела, еле прикрытого прозрачным черным бельем. Они стояли, ощущая тепло друг друга, не до конца осознавая, что будет дальше. Инга переживала, вдруг Тема оттолкнет ее или, того хуже, скажет что-то резкое, обидное. Но он молча провел рукой по ее спине и, нащупав застежку бюстгалтера, расстегнул его. Это движение было словно сигналом одобрения того, что задумала Инга. Дальше все было быстро и жарко. Объятия, поцелуи, много нежности и наслаждения. Только у Темы мгновения блаженства перемежались с ощущением горести, он едва прикрывал глаза и сразу видел довольное лицо отца, печальные глаза матери, а потом слышал нежные стоны Инги, через пару минут все смешалось в одну очень сложную эмоцию, и эта такая непродолжительная эйфория вдруг забрала все Темины силы. Он откинулся на подушку и затих. А Инга, часто дыша, почувствовала неловкость, потянулась за простыней и укрыла себя и Тему с головой. Она держала натянутую простыню так, чтобы в их укрытие проходил солнечный свет. Ей почему-то казалось, что теперь, когда над ними это белое тонкое полотно, все, что происходит там, за пределами, не может до них дотянуться, их маленькое счастье никто не сможет потревожить. Они смотрели друг на друга, изучая черты лица, которые впер-

вые видели так близко. Тема вдруг ощутил, что в его душе теснится новое чувство, оно было похоже на благодарность, но намного теплее, от этого защемило в груди, он улыбнулся и поправил светлую прядь Ингиных волос, которая выбилась из ее всегда идеальной прически.

– Тема, я люблю тебя, – произнесла Инга трепетным шёпотом, касаясь его впалой щеки горячей ладонью. Конечно, она рассчитывала услышать ответное признание, но Тема ничего не сказал, он потянулся к ней и нежно поцеловал в теплые губы.

В то время, когда Инга признавалась Теме в любви, Матвей принимал у себя дома Алекса. Друг – такое простое слово и такое редкое явление. Но Матвей был уверен, что ему повезло и он, встретив Алекса, обрел в его лице человека, который разделит с ним невзгоды и триумфы, поддержит в трудную минуту жизни, рискнет ради него всем. Он приписывал Алексу невероятные достоинства и идеализировал их дружбу так, что в какой-то момент ему начало казаться, что они ни больше ни меньше Патрокл и Ахилесс. Матвей после смерти брата был склонен все воспринимать очень эмоционально, все чувства его были обострены и преувеличены, а все люди в его жизни казались необычайно важными, и больше всего на свете он боялся их потерять. Поэтому Матвей с легкостью прощал Алексу его шуточки и колкости и с радостью проводил с ним все свободное время. Алекс же был очень умен, красив, талантлив и, как часто бывает с подобными людьми, высокомерно самоуверен и заиклен на себе. Но проводить время у Матвея все же любил. Правда, сегодня Алекс был не в духе. Он сидел в подвесном плетеном кресле-коконе на балконе у распахнутых настежь стеклянных дверей кухни и молча курил. Матвей почему-то решил, что Алекс должен попросить своего отца купить любимому сыну машину, и даже притащил из спальни журналы, чтобы они вместе выбрали подходящий Алексу автомобиль. Разве мог доверчивый, прямолинейный юноша, ни в чем не знавший отказа родителей, предположить, что богатый предприниматель, как рассказывал о своем отце Алекс, мог отказать сыну в такой безделице, как покупка машины. Матвей думал, что друг сам по каким-то причинам не мог получить водительские права или, того хуже, просто боялся садиться за руль.

– Да брось, Алекс, тебе непременно нужно записаться в автошколу, даже у девчонок давно есть права. У Евы и Инги, я сам видел. А недавно мы с Евой ездили в автосалон, чтобы она посидела внутри понравившихся ей моделей, примерила, так сказать, подходящее ей авто. Выбирает подарок на совершеннолетие.

– Ты, кстати, в курсе, что на ее день рождения мы едем всей компанией на Валдай? – быстро спросил Алекс, хватаясь за эту тему, как за спасительную соломинку. Он надеялся, что Матвей отвлечется от идеи выбрать для него машину и начнет рассуждать о предстоящей поездке.

– Это-то я знаю, меня сейчас гораздо больше волнует, что Ева уехала в Париж не только с Ланой, но и с Германом, – тяжело вздыхая, ответил Матвей и нервно сжал в руке карандаш, который тут же разломился пополам.

– Эй, полегче, не стоит так волноваться! – проронил Алекс.

– Ах, Алекс, ты же знаешь, как она мне нравится, я просто стораю от ревности. Тебе, конечно, этого не понять.

– Да, я не привык сохнуть по девушкам, а тем более их ревновать, это не мой стиль. Я и не знал, что Ева в Париже, – не краснея врал Алекс, вальяжно закидывая ногу на ногу.

На самом деле он весь вечер, сидя у Матвея дома, втайне от него переписывался с Евой. И с волнением ждал каждого ее ответа на свои смс, которые приходили с большой задержкой. Он раздраженно строил в голове разного рода предположения, что именно ей мешает отвечать незамедлительно. Ревновал он ее к Герману или нет – это был сложный вопрос. Алекс, конечно, был уверен, что Ева любит именно его, а Герман – это так, прикрытие их отношений. Но почему они скрывали с Евой свою связь, было загадкой даже для него. Что думала на этот счет Ева, он не знал, но свое сердце не проведешь. Ева была его страсть, которая с каждым днем разгоралась

все больше и больше. Только вот позволить себе он ее не мог. Не мог катать ее на дорогих автомобилях, дарить подарки, засыпать цветами, не мог водить в модные рестораны и снимать фешенебельные апартаменты в разных странах мира. Он не был в состоянии обеспечить ей жизнь, к которой она привыкла, и очень этого стыдился. Но что точно он мог ей дать, так это всепоглощающее влечение и эйфорию от каждого взгляда, это он точно знал, поэтому сейчас он играл с Евой в некую тайну связь, которая только придавала пикантности их отношениям.

Но сегодня Алекс был озадачен не только их с Евой отношениями, его гложил не менее серьезная проблема, мешавшая насладиться приятной атмосферой дружеского ужина. Сегодня он у Матвея находился не по собственной воле, а по заданию Гериона, и плана, как его выполнить, у юноши не было.

Матвей чувствовал, что друг чем-то озадачен, несколько раз спрашивал, не может ли он ему помочь, но Алекс на это только отрицательно качал головой, пуская вокруг клубы белесого дыма, красиво доставая изо рта тонкую дамскую сигарету. Эти сигареты с ментолом Екатерина Ивановна держала дома для своей единственной курящей подруги, и Матвей каждый раз тягал их тайком от матери для Алекса, все время забывая купить перед его приходом что-то более подобающее.

– Матвей, а где твоя мама хранит сигареты? Я, пожалуй, верну их на место, а то вдруг родители нагрянут, а я тут внаглую курю, – вставая, проговорил Алекс, дождавшись, когда хозяин дома сунет руки в стеклянную миску с замаринованными стейками и не сможет убрать сигареты самостоятельно.

– Да ладно, брось их на стол, я потом уберу.

– Мне не сложно, – проходя в гостиную, бросил через плечо Алекс и, подходя к натертому до блеска серванту, добавил: – По-моему, здесь, в верхнем ящике, да?

Он внимательно просмотрел полки, заставленные фарфоровыми сервизами, и быстро начал выдвигать один ящик за другим, шаря там дрожащей рукой. Страх, что Матвей сейчас войдет в комнату и застанет его за этим постыдным занятием, мешал ему делать все быстро и бесшумно, но азарт выполнения задания придавал силы. «Я словно разведчик на задании», – успокаивал себя юноша, все время оглядываясь на дверь.

– Алекс, тебе какую степень прожарки делать? – выставив температуру на электрогриле, прокричал Матвей, и Алекс понял, что ему пора возвращаться на кухню.

– Медиум, – грустно ответил юноша, явно погруженный в свои собственные мысли. Он стал лицом к окну и принялся наблюдать за бесконечным потоком воды, уже третий день лившейся на землю в виде проливного дождя, погода была безрадостная, и на душе было скверно. Его раздражала услужливость Матвея, его вечное желание демонстрировать финансовую состоятельность своей семьи, но больше всего бесило, когда этот здоровый, обеспеченный рыжеволосый детина начинал стенать по поводу безответной любви к Еве.

– Готово, давай быстро за стол, а то все остынет, – послышался голос Матвея, и Алекс обернулся.

– Ну ты, друг, даешь, это что за декорации к русской народной сказке?

Матвей был озадачен такой реакцией друга. Он с родителями на прошлой неделе был в одном статусном ресторане на берегу Финского залива, и там им подали стейки и шашлыки, необычно сервировав стол и декорировав сами блюда, на деревянных досках с веточками можжевельника и кедровыми шишками. Матвею такая подача показалась стильной и достаточно брутальной, он тут же решил пригласить Алекса в гости, сделать его любимые говяжьи стейки и подать их точно так же, чтобы удивить друга. Он лично ездил в магазин за разделочными досками необычной формы, потом вымачивал в специальном растворе можжевеловые ветки и заказал кедровые шишки с созревшими орехами. И сейчас, как заправский шеф-повар, выложил сочный стейк на доску, присыпав его крупной морской солью, свежемолотым черным перцем и гранатовыми зернами, и все это украсил веткой хвои с миниатюрной шишечкой. Но

реакция оказалась обратной. Алекс тут же осмелял друга и, садясь за стол, с издёвкой проговорил:

– Зачем ты развел здесь эту тундру, решил вспомнить свое детство? – язвительно усмехнулся юноша, в своей классической манере бездушности и высокомерия, сбрасывая с дощечки аккуратно выложенную раскрывшуюся шишку. Она покатилась и упала на пол, рассыпая вокруг себя мелкие кедровые орешки. Потом юноша посмотрел на Матвея, молча сидящего перед ним с выражением недоумения на лице, перемешанного со стыдом, и, поняв, что сказал лишнее, тут же постарался исправить положение: – Зато стейк у тебя, как всегда, получился отменным.

Матвей сразу начал оправдываться, пытаясь все перевести в шутку, на что Алекс только с сожалением пожал плечами и подумал: «И как он вообще меня терпит, я бы уже давно вытолкнул такого гостя за дверь».

Ели они быстро и без аппетита, чего с ними раньше никогда не было. Матвей, пристыженный, смотрел на друга, который держал себя прямо, умело пользовался приборами, аккуратно промокая губы салфеткой, да что там ел, он даже пиджак застегивал с таким достоинством, словно выполнял торжественный ритуал. И сколько ни старался Матвей походить на Алекса, такого джентльмена изобразить из себя не мог. А сейчас, и того хуже, Алекс дал ему ясно понять, что в его глазах он навечно останется неотесанным провинциалом. Но, несмотря на это, Матвей продолжал благоговеть перед Алексом, ловил каждое его слово, охотно и одобрительно следя за нитью его рассказа. Алекс же не чувствовал вкуса еды, потому что его мозг усиленно работал над тем, как сподвигнуть Матвея показать ему содержимое бесчисленных шкафов, которыми была заставлена его огромная квартира. Ему во что бы то ни стало нужно было выполнить первое задание Гериона.

– Дружище, у вас дома есть альбомы со старыми фотографиями? – вставая из-за стола, лениво произнес Алекс, делая вид, что это для него совсем не важно.

– Конечно есть, отец внимательно относится к семейному архиву, – спохватился Матвей, радуясь, что не нужно ломать голову, чем развлечь гостя.

Он быстро поднялся и отправился в кабинет отца, где в массивной тумбе, стоящей у глухой, завешанной декоративными тарелками стены, лежали несколько старинных фотоальбомов. Алекс тут же последовал за ним и замер в дверном проеме, внимательно сканируя глазами остальное содержимое этого важного, на его взгляд, предмета мебели.

– Ого, эта тумба, наверное, хранит много интересных реликвий вашей прошлой жизни, – вкрадчивым тоном начал Алекс, не сдвигаясь с места.

– Нет, здесь разного рода ерунда, ничего стоящего, – ответил Матвей и, приглашая друга сесть на диван, начал листать альбом. Алексу было наплевать на старые фотографии чужой семьи, он нехотя сел рядом и, перебирая в голове всевозможные стратегии, рассеянно смотрел на пожелтевшие от времени страницы. Но тут до слуха Алекса долетела фраза, которая заставила его обратить внимание на фото:

– Вот это мой дед Павел Иванович с дипмиссией в...

– Твой дед был дипломатом?

– Да.

– Так, значит, тебе карьера обеспечена, ты же потомственный дипломат, – взбодрился Алекс, внимательно разглядывая фотографии с изображением красивого статного мужчины лет пятидесяти.

– Ну, понимаешь, отец-то мой не согласился идти по стопам деда, тогда бы мне было легче. А так как дед злился на отца, наверное, за это, то отношения мы почти не поддерживали и у нас нет никаких связей.

– А кто эти двое? Они почти на всех фотках рядом с твоим дедом.

– Это его друзья, они были не разлей вода, даже любили все трое одну и ту же девушку. Но отец говорил, что это их не рассорило.

– Вот дела, ну и как же они ее потом поделили?

– А никак, вот этот в центре, – показывая пальцем на смуглого мужчину с пышным чубом, произнес Матвей, – так вот, он на ней женился, но вскоре погиб, потом на ней женился блондин, который справа.

– А что же твой дед не подсуетился? – шутя спросил Алекс, поднимая глаза на друга.

– Так он к тому времени уже был женат на бабушке.

Алекс еще долго всматривался в черно-белый снимок, на котором были изображены три товарища. Самым видным из этой троицы, как по габаритам, так и по привлекательности черт лица, был дед Матвея, и хотя он был тучный и лысоватый, но мужественный взгляд и гордо поднятый подбородок привлекали внимание к его персоне. Блондин справа не отличался ничем особенным, круглая голова, вздернутый нос и светлые волосы, но вот тот, которого их общая любовь выбрала себе в мужа первый раз, по каким-то неуловимым признакам был похож на иностранца, и Алекс подумал, что именно этот критерий сыграл решающую роль в ее предпочтении.

– Я так понимаю, их уже никого нет в живых?

– Да, дед прожил дольше всех, представляешь, они помирились с отцом только за месяц до его смерти. Они всегда говорили, что были в ссоре из-за несостоявшейся карьеры дипломата, но я в это не верю, думаю, была какая-то более веская причина, чтобы не разговаривать несколько десятилетий.

Глава 3. Двойное свидание

Натали сидела за письменным столом в своей галерее и первый раз не готовила какой-либо выставки, не любовалась представленными экспонатами, она смотрела на букет, который ей так неожиданно утром доставил курьер. Это были желтые тюльпаны, не очень крупные, но настолько свежие, что, казалось, их только что срезали в каком-нибудь голландском садике. По краю зеленого листа, быстро перебирая лапками, полз крошечный жучок, выхваченный солнечными лучами, которые проникали в галерею через стеклянную стену. Жучок казался почти прозрачным, но очень упорным, словно планировал к концу дня непременно добраться до своего жилища.

«Весна! – произнесла Натали, откинувшись на спинку стула, улыбка озарила ее аристократические черты, и она огляделась вокруг. – Нужно выбираться на природу, хорошо, что Ева решила праздновать свой день рождения на Валдае», – размышляла дама, перебирая в уме, кто мог прислать ей этот чудесный букет. Она развязала на шее бант голубой шифоновой блузки, открывая икринку бриллианта, уместившегося в ямочке между ключицами. Кристалл держался на тонкой золотой нити, и создавалось такое впечатление, что он просто предназначен для того, чтобы ловить на себе восхищенные взгляды.

Послышалась приятная мелодия дверного звонка, и Натали, подняв глаза на стеклянную дверь, оторопела. Посетитель, который стоял по ту сторону, привел ее в замешательство. Дама нажала кнопку, которая размагничивала дверной замок, и не знала, как себя вести. Обычно, если не было запланированных встреч или выставок, Натали впускала посетителей нажатием этой холодной кнопки и спокойно сидела в ожидании, когда к ее столу подойдут. Но сейчас не встать навстречу человеку, решившему нанести ей визит, Натали не посмела. В дверях стояла Аврора Александровна.

Эта почти уже старушка держалась прямо торжественно, неся перед собой кожаный саквояж, удерживая его двумя руками. Ее модное легкое бежевое пальто и фетровая шляпа с маленькими загнутыми полями очень сильно контрастировали с морщинистым лицом и выпцветшими впалыми глазами, но жажда жизни по-прежнему кипела в ее старческом теле. Натали никогда не имела дел с этой напыщенной леди и просила дочь держаться от нее подальше, а все их общение сводилось только к холодному приветствию при встрече. Натали была наслышана о крутом нраве Авроры, и в доме поговаривали о ее темных делах. Пожилая дама, выпятив нижнюю губу, тяжело дыша, села на стул, предложенный ей Натали, и, переводя дух, вопросительно посмотрела на цветы.

– Ну как вам букет?

– Восхитительный, – ответила Натали, – так это вы его прислали?

– Да, я не люблю бывать там, где нет цветов, – заявила Аврора. Натали даже не сразу нашлась, что ответить, но потом через вздох сказала:

– В этом мы с вами похожи, – и обвела взглядом галерею, утопающую в букетах бело-снежных калл и фрезий.

– А еще я не привыкла отнимать у людей их драгоценное время, поэтому сразу перейду к делу, – объявила старушка и водрузила на белую глянецовую столешницу письменного стола свой винтажный саквояж.

Вернувшись из Европы в Петербург, Герман был воодушевлен, доволен, полон энергии и убежден, что жизнь удалась. Он поставил в прихожей у стены чемодан и тут же распахнул во всей квартире окна,пуская внутрь солнечный свет и теплый ветер. За время поездки у него накопилось столько идей, что не терпелось взяться за чертежи. Он напевал и даже пританцовывал.

ывал, готовя себе еду, вкладывая в ежедневник билет из парка Родена, прикрепляя к холодильнику их с Евой совместные фотографии, сделанные на полароид, и, кажется, даже во сне блаженная улыбка не сходила с его лица. Он все делал с еще большим, чем обычно, усердием и воодушевлением. И, как и большинству счастливых людей, Герману непременно хотелось сделать счастливым кого-нибудь еще, и выбор тут же пал на его лучшего друга Владимира.

В понедельник утром, не найдя Володю на занятиях в институте, Герман отправился напрямик к нему домой и вот уже минут пять стоял под дверью и настойчиво звонил в звонок. Через некоторое время в коридоре все же послышались вялые шаги и в приоткрывшейся двери показалось заспанное лицо Володи.

– Ты что, еще дрыхнешь? – бодро проходя в прихожую, удивился Герман и направился в комнату Вовы, которую нашел полностью заваленной какими-то картами, старыми письмами и бумагами. – Почему не пришел на занятия? Я решил, что ты заболел.

– Я не заболел, просто у меня мигрень, – падая на оттоманку и прикладывая руку ко лбу, ответил Володя.

– Мигрень? Ты что, барышня XVII века? Ты бы еще у меня нюхательную соль попросил. Вова, ты явно проводишь слишком много времени с бабушкой.

– Вовсе нет, я просто устал.

– Устал валяться здесь в душной комнате? Я думал, ты делаешь курсовую, а ты ковыряешься в каком-то старье. Что это? – поднимая несколько старых фотографий с пола, поинтересовался Герман. – Это что, фотографии твоего деда с друзьями? – произнес он, разглядывая снимок, на котором были изображены три симпатичных мужчины, один из них – блондин, стоящий справа, был дедушкой Володи. – Может, я отнесу их в комнату Авроры?

– Не трогай, они мне нужны для дела, от которого зависит мое благополучие, – резко ответил Володя.

– Ладно-ладно, но ковыряться в пыльных бумагах, когда на улице такая погода, – это просто преступление, – ответил неизменно радостный и воодушевленный Герман.

– Преступление, Гера, – это быть таким довольным, как ты, с самого утра. У меня от тебя аж зубы сводит.

– Брось, я привез тебе подарок из Парижа.

– Надеюсь, это пистолет!

– Зачем тебе пистолет? Неужели все настолько плохо? – переполошился Герман.

– Да ты что, себе бы я никогда не навредил, пистолет мне нужен, чтобы стереть эту самодовольную улыбку с твоего лица! Поездка явно удалась!

– Ты даже не представляешь, насколько.

– Пожалуйста, только избавь меня от подробностей! Ни про Евины глаза, ни губы, ни звонкий смех я слышать ничего не хочу. Лучше помоги мне сделать чертежи для курсовой.

– Хорошо, я сделаю чертежи, но, чтобы ты взбодрился, я думаю, нам нужно найти тебе девушку.

– Еще не хватало, тратить время на поиски девушки, я и так устаю, – кутаясь в плед, простонал Владимир.

– А зачем ее искать, вот Лана, например, – чем не вариант?

– Нет, нет, она мне совсем не подходит, она какая-то бешеная.

– Вовсе она не бешеная, просто веселая, энергичная, как раз развеет твою хандру.

– Ну нет, Герман, я не могу с ней встречаться, быюсь об заклад, у ее рода даже нет герба.

– Серьезно, ты только что сказал, что Лана тебе не подходит, потому что у нее нет ГЕРБА?

Я, признаюсь, думал, что мы столько лет дружим, что я привык к твоим странностям, но это уже переходит все границы! Так если в этом проблема, давай я нарисую ей герб, – хватая лист и карандаш, смеялся Герман. – Ну что ты хочешь, чтобы там было? Львы? Королевские лилии? Может, единороги?

– Перестань паясничать, Гера, мне нужна настоящая леди, чтобы играла в поло и пила чай в five o'clock. Я подожду, пока не встречу такую девушку, а Лана огрела меня по голове кожаным альбомом при встрече.

– Если ты еще немного подождешь, то единственной женщиной в твоей жизни так и останется Аврора Александровна. Все, поднимайся, – стягивая с Володи плед, не унимался Герман. – Решено, мы идем на двойное свидание, и отказы не принимаются!

– Фу, двойное свидание – звучит так пошло. Это совсем не мой стиль, – простонал Володя. Он встал с дивана, но продолжал кутаться в плед, как в плащ. – Завари мне лучше кофе.

– Ты ведь знаешь, что я твой друг, а не слуга, – закатывая глаза, сказал Герман. – Ладно, сварю, может, хоть это тебя взбодрит. А насчет двойного свидания я не шучу. Будет весело, я обещаю, – прокричал он, удаляясь на кухню.

Володя вяло поплелся за ним следом.

Зайдя в кухню, он повалился в кресло и лениво откинулся на его мягкую спинку.

Герман хмыкнул, улыбнулся на одну сторону и снисходительно пожал плечами. Он за много лет дружбы с Владимиром привык к его неспешному образу жизни и вечной праздности, но в последнее время ему стало казаться, что лень совсем поглотила его друга, он все больше времени стал проводить лежа на диване, впадал в меланхолию и был безучастен к событиям, которые для Германа казались крайне важными.

Герман ловкими движениями высыпал блестящие поджаренные зерна в кофемолку и, нажав пару кнопок, втянул носом аромат свежемолотого кофе, потом пересыпал его в специальный резервуар кофемашины и спрессовал в плотную массу. Через несколько минут уже выключил агрегат и протянул недовольному Владимиру кружку, а сам с другой кружкой в руках радостно подошел к окну:

– Вот сейчас девчонки придут из универа и мы их пригласим на свидание, – воодушевленно продолжал он, как вдруг побледнел и выронил кружку с кофе из рук. Кружка с дребезгом упала на блестящий мрамор подоконника, рассыпаясь на мелкие осколки и разбрызгивая черные капли горячего кофе на все вокруг. Герман смотрел и отказывался видеть, он осознавал, но не хотел понимать: во двор, утопающий в тени ветвистых рябин, вошла Ева, его драгоценная, обожаемая каждой клеточкой души Ева, но под руку она держала не Лану, а Алекса.

– Герман, черт, что ты творишь! – услышал он наконец крики Володи у себя за спиной и резко повернулся, загораживая спиной окно, почему-то испугавшись, что эту сцену во дворе увидит Вова.

– Прости, прости, – засуетился он, – я сейчас все уберу!

– Да что ты там такое увидел в окне, что размолотил мой коллекционный фарфор? Что Ева твоя прилетела из института на метле? Так этого стоило ожидать! Я давно говорил, что она ведьма. А ты еще хочешь, чтобы я пошел на свидание с ее подружкой. Признайся, ты просто мечтаешь сбегать Лану, чтобы она не путалась у тебя под ногами. Эй, Герман, ты вообще меня слышишь? Я только что назвал твою преподобную Еву ведьмой и все еще жив. Ты что, оглох?

Герман собирал осколки и молча вытирал капли с подоконника. «Ну ничего такого, – убеждал себя он, – просто пришли вместе из универа, может, у них какой проект совместный, а то, что она улыбалась, так, может, у нее настроение хорошее. Что я так всполошился, всего лишь дружеские посиделки. Сейчас же позвоню ей, приглашу на двойное свидание, вот она обрадуется».

Герман с совершенно отсутствующим взглядом обернулся на Володю и сказал бесстрастно:

– Я пойду, а насчет свидания я потом сообщу, – и быстро направился к выходу.

– Что значит, пойду? А как же мои чертежи к курсовой? – прокричал вдогонку, недоумевающая, Владимир. Но в ответ ему только хлопнула входная дверь.

Когда Ева сообщила Лане о предстоящем двойном свидании, она, конечно, очень обрадовалась, но, узнав, что ее парой будет Евин сосед Владимир, не просто удивилась, а даже испугалась.

– Ты что-то опять задумала? Или он? У вас же с ним война, а теперь вдруг свидание? – недоумевала Лана.

– Какая там война – детские шалости, да и с этим уже покончено, думаю, Вова просто расстраивается, что Герман теперь проводит с нами все время, вот и решил присоединиться.

– Все это как-то подозрительно, тебе не кажется? К тому же вряд ли я ему нравлюсь.

– Ничего подозрительного, и даже если ты ему еще не нравишься, мы сделаем так, что это свидание он не забудет!

– Ева, когда ты так говоришь, мне становится еще страшнее, – переживала Лана, стоя перед блестящей дверью модного заведения, которое носило гордое название «Институт красоты».

– Но учти, я ужасно боюсь боли и ничего себе колоть не буду, ни губы, ни щеки!

– Да успокойся ты, я же сказала, ничего кардинально, просто приведем в порядок то, чем наградила тебя природа, – затаскивая подругу в просторный, наполненный светом холл, обещала Ева.

– Добрый день, я вам звонила, – щебетала она, дружелюбно хихикая на пару с хорошенькой девушкой-администратором, лицо которой было отполировано до такого блеска, что напоминало кожу дельфина. – Да, оформить брови, придать сияния волосам, SPA для рук, разумеется, и педикюр, депиляция, само собой... – перечисляла Ева, и девушка-дельфин одобрительно кивала.

– Депиляция-то мне зачем? – запротестовала Лана. – Мы же не на пляж собираемся!

– Для придания большей уверенности, – объясняла Ева.

– Нет, нет, вычеркивайте, хватит с меня всего остального! – бунтовала Лана. – Может, я вообще за натуральную красоту. Или как там говорят: «Мое тело – мое дело!»

– Вот найдем тебе парня, и, пожалуйста, ходи как йети, а пока что твое тело – мое дело, так что депиляцию оставляем, это совсем не больно, – настаивала Ева.

Лана в ответ только закатила глаза, несмотря на недостаток мужского внимания, особенно напрягаться она не любила. И искренне надеялась, что на нее кто-нибудь обратит внимание просто так.

Двойное свидание было назначено на вечер пятницы. Ева с Ланой решили прогулять в этот день занятия в университете, чтобы как следует подготовить Лану к первой в ее жизни романтической встрече с представителем мужского пола. Она осталась ночевать у Евы и, лежа в кровати, долго рассказывала содержание прочитанной недавно книги, но в душе чувствовала тревогу вперемешку с радостным трепетом относительно предстоящей встречи. От этого время от времени замолкала, погружаясь в размышления, а потом, спохватившись, извинялась и продолжала свой рассказ. Ева, понимая переживания подруги, взяла ее за руку и умиротворенно произнесла:

– Да не волнуйся ты так, все будет хорошо, давай спать.

Утром девушки после легкого завтрака отправились выбирать платье для вечера, Лана, уже изрядно утомившись, стенала в примерочной:

– Ева, ты самая ужасная подруга на свете!

– Это почему? – переспросила Ева, с трудом вытаскивая застрявшую в платье Лану.

– Другие бы подруги сказали: «Будь собой, будь естественной, и он тебя обязательно полюбит». Ты что, Золушку не читала? – капризничала Лана, лениво вставляя ноги в юбку плиссе, подготовленную подругой.

– Читала я Золушку, – кряхтела Ева, раздувая налипшие на лицо локоны и застегивая пуговички на блузке Ланы, – и принц там полюбил Золушку только после того, как над ней усердно потрудились фея-крестная. Так что собой будешь с мамой на кухне, а на свидании, будь добра, сияй! – заявила Ева, раскручивая Лану за руку, так чтобы юбка мягкой волной кружилась вокруг нее. – Готово! – заключила Ева, наконец удовлетворенно плюхаясь на пуф в примерочной.

В половине седьмого вечера Герман припарковал свой автомобиль у входа идеального, по его мнению, ресторана недалеко от Таврического сада и, вытащив ключ зажигания, позвонил Владимиру.

– Вов, ну где тебя носит, мы же договорились приехать раньше девчонок.

– Знаешь, Гера, я что-то завозился, еще не одевался, но ты не волнуйся, через часик буду.

– Какой через часик? Ева с Ланой придут в семь, давай быстро тащи сюда свое брненное тело, иначе чертежи я больше за тебя делать не буду, – смеясь затараторил Герман, но Вова по металлическим ноткам, которые послышались в его голосе, понял, что друг явно недоволен. Он нехотя встал с дивана, открыл шкаф, придирчиво осмотрел вешалки и, достав клубный пиджак и розовую рубашку, громко прокричал:

– Ба, я возьму машину, у меня свидание!

Эти слова, словно удар молнии, поразили слух Авроры Александровны, она мигом покинула свой наблюдательный пункт и через минуту уже стояла в дверях спальни внука.

– Свидание? С кем? Что же ты мне раньше не сказал, мы бы подготовились как следует, – взволновано начала говорить пожилая леди, застегивая верхнюю пуговицу рубашки внука. – А ты, милоч, почему не надел костюм-тройку, да еще выбрал такую легкомысленную рубашку? – недоумевала старушка, пристраивая ему галстук-бабочку.

– Нет, бабушка, я пойду без галстука, это же не прием какой-то.

– Что ты такое говоришь, где твои манеры? Если это оперный театр или концертный зал, туда без бабочки нельзя.

– Да что ты, бабуль, это всего лишь ресторан.

– Ты собрался вести девушку в плохой ресторан, куда не нужно даже надеть галстук?

– Почему в плохой, ресторан-то что надо, правда, выбирал Герман, но я уверен, что все будет на высшем уровне.

– Почему место для твоего свидания выбирал Герман, ничего не понимаю? – волновалась Аврора Александровна, следуя за внуком с расческой в руках. – Уложи получше волосы, бедная девушка, как ее хоть зовут, а кто ее родители, где она учится? Все, не могу, мне дурно, ты все испортишь, я уже вижу, как ты провалишь свое свидание, ты хотя бы подготовил темы для беседы?

– Да, все традиционно: искусство, поэзия, может быть, немного поговорим о театре.

– О каком театре? Японском театре «Но» или английском театре эпохи Шекспира? Вольдемар, и не забудь купить цветы! – хрипло выкрикивала Аврора, пока Владимир вальяжно спускался по ступеням, тщательно изучая свой маникюр.

Владимир, или, точнее, Вольдемар, был истинным петербуржцем в пятом поколении, следовательно, внимательно относился к еде (как все потомки переживших блокаду людей), с легкостью цитировал Бродского, мог показать дом, где жил Лермонтов, читал Эйхенбаума, гордился тем, что его предки имели дворянские корни, и всерьез верил, что в Михайловском замке живет привидение. Если он вспоминал детство, то непременно кружки в Аничковом дворце или катание на коньках в Юсуповском саду. В общем, человек он был очень взыскательный, при этом изящный, такой культурно базированный на русской традиции и в то же время изобретательный – это был именно петербургский стиль. Потому что Петербург – город, который заставляет быть немного изысканнее и элегантнее, хотя бы в суждениях. Однако Вольдемар был не только петербуржцем, но и внуком Авроры, поэтому всем его существом руково-

дила одна, но пламенная страсть – любовь к себе. От этого он был капризен, ленив и заиклен на собственной персоне настолько, что едва ли был способен кого-то полюбить. На свидание он шел без особого энтузиазма, скорее делая Герману одолжение. Но когда Ева с Ланой зашли в просторный зал модного ресторана и Владимир поднялся, чтобы их поприветствовать, то он нашел весь вид Ланы вполне утонченным и ухоженным и даже предположил, что этот вечер может принести ему удовольствие. Лана в свою очередь была так довольна собой и своим сногсшибательным образом, что решила, что теперь будет так выглядеть всегда. Но они оба ошибались.

Атмосферу в ресторане задавал интерьер в стиле северного модерна и ленинградского авангардизма – многоуровневое и торжественное пространство, где стены были украшены световыми панно с произведениями художников-авангардистов начала XX века. Днём сквозь стеклянную крышу можно было наблюдать за переменчивым петербургским небом, а по вечерам любоваться огнём в каминах. С двух просторных террас открывался вид на Таврический парк и крыши старого города.

Зал ресторана был погружен в атмосферу теплого света и приятных звуков саксофона. В этом многоуровневом помещении декор в стиле «эkleктика» выглядел особенно интересно. В центре композиции – гигантская люстра, свет от которой отражался в зеркалах, встроенных в спинки кресел и диванов. Стол, за которым расположились молодые люди, стоял рядом с высоким камином, сделанным из тертой латуни, с двух сторон от него находились мультимедийные панели, на них демонстрировались картины в стиле русского авангарда, а через время они сменялись на работы абстрактного экспрессионизма.

– Какая безудержная техно-эkleктика! – восторженно произнесла Ева, оглядываясь по сторонам. – И кто выбрал этот ресторан?

– Я, – заволновался Герман, – тебе не понравилось?

– Что ты, здорово, есть на что посмотреть.

Вова, живший в семье коллекционера, сразу обратил внимание на одну картину, где на чисто белом фоне сияли разноцветными бликами несколько пятен, покрытых золотой поталью. Юноша обратился к Лане и, кивнув в сторону картины, спросил:

– Как тебе работа?

Лана, решившая, что в очках она напоминает кролика из Винни Пуха, и снявшая их еще у входа, прищурила глаза, а потом даже попробовала растянуть их пальцами, пытаясь изменить аккомодацию, но даже это не позволило ей как следует разглядеть изображение картины, она слегка повела плечами и важно проговорила:

– Верхняя птичка особенно хороша.

– Какая птичка, это же всего лишь пятна, – удивился Вова и перевел вопросительный взгляд на Еву, которая тут же вступилась за подругу.

– Каждый видит на картине то, что позволяет его воображение.

– Это же не тест в кабинете психолога, – не унимался Владимир, пытаясь объяснить Лане, что она права.

Но в это время к столу подошел долговязый официант в черной форме с чеканными пуговицами, на которых было выгравировано название ресторана. Он представился, держа одну руку за спиной, сообщил, что сегодня будет обслуживать этот столик, затем, положив меню, сделал пару шагов назад и замер в ожидании. Молодые люди разобрали меню, на котором не было ни одной иллюстрации, а только мелко напечатанные названия блюд с расшифровкой на темной бумаге.

Ева была так увлечена подготовкой Ланы к свиданию и волнениями по поводу исхода всего мероприятия, что даже не заметила настроения Германа. Он был сосредоточен, молчалив и лишен той беззаботной радости, которая постоянно сопровождала его со времени их

знакомства. Он смотрел на Еву пристально, и можно было подумать, что он любит ее, но он пытался найти ответ. Ответ на вопрос, который мучил его уже несколько тревожных дней. «Зачем она соврала?» Когда в понедельник, выйдя из квартиры Володи, Герман дрожащими руками набрал ее номер, чтобы пригласить на свидание, все, что он хотел услышать, так это «Мы с Алексом пришли ко мне заниматься, может, тоже заглянешь? Составишь нам компанию!», но вместо этого Ева соврала, сказав, что ее вообще нет дома и она остаток вечера проведет в публичной библиотеке, работая над докладом.

– Как твой доклад? – услышала Ева непривычно сдержанный голос Германа.

– Какой доклад? – поднимая на него свои темные глаза, отвлеченно спросила Ева, испуганно глядя на Лану, которая, не видя ничего без очков, начала читать меню вверх ногами.

– Который ты делала в библиотеке, – холодно ответил Герман. Он едва сдерживался, чтобы не закричать: «Я знаю, что ты была с Алексом дома наедине!», старался глубоко дышать, ревность захлестывала его, но устраивать сцен он не хотел.

– А, тот доклад, хорошо, спасибо, – дергая Лану за руку, бросила рассеянно Ева. – Лана у нас шутница, она уже просто выбрала, что будет есть, – забирая у подружки перевернутое меню, заявила Ева.

– Да, я буду устриц, – выпалила Лана, и на ее бледном лице появилось что-то напоминающее румянец.

Стоящий неподалеку официант тут же подошел к ней, готовый принять заказ.

– Мне, пожалуйста, дюжину устриц, – гордо приподняв подбородок, произнесла Лана и откинулась на спинку стула. Лана раньше устриц не пробовала, да и вообще не испытывала особой любви к морепродуктам, но отчего-то была уверена, что изысканные дамы непременно едят устриц.

Ева озадаченно покосилась на нее, но отговаривать не стала, решив, что при поедании устриц даже приборы не нужны, так что испортить что-то Лане вряд ли удастся.

Самоуверенности Лане было не занимать, а то, что она периодически падала в обморок от волнения, было лишь реакцией сосудов, но никак не низкой самооценкой. Считала она себя гораздо лучше многих, и внешне, и по уму, а то, что парни не обращали на нее внимания, списывала на простое невезение. Встретившись взглядом с Владимиром, она откинула рукой волосы настолько эффектно, насколько была на это способна, и спросила:

– Ну что, Вова, расскажи что-нибудь о себе, мы с Евой о тебе совсем ничего не знаем.

Лана даже не подозревала, насколько эта тема казалась Володе важной, да что там важной – очевидной. Он вальяжно развалился в кресле и довольно улыбнулся, будто предвкушая истинное наслаждение. Говорить о себе он любил:

– Как вы уже знаете, я учусь вместе с Германом, буду архитектором, хотя работать по специальности, в отличие от него, я не собираюсь. По гороскопу я стрелец, близкий к козерогу, поэтому рассудительность и твердость – самые сильные черты моего характера. Терпеть не могу предрассудки и несправедливость, предпочитаю диванам кровать из-за комфорта. Говорят, что я красуюсь. Ерунда! Мне плевать на мою внешность, на все, кроме одежды, здесь для меня нет мелочей. Я слегка инертен, но это только плюс! Что еще... Кофе лучше арабика. Цвета называл? А, цвета: желтый, синий и голубой. Ну и числа, естественно, восьмерки, ну и двадцать два, книги про бегемотов, песня...

Минут через семь, когда Володя все продолжал, а девушки уже не могли сдерживать смех, Герман даже забыл о своей ревности и семафорил, как мог, чтобы Вова остановился, но тот, ничего не замечая, все больше входил в азарт, и не было понятно, шутит он или это его нормальное состояние. И только когда Ева не выдержала и расхохоталась в голос, юноша, наконец, остановился и недовольно покосился на нее, будто она прервала его игру на флейте.

В этот момент появился официант и начал старательно расставлять перед Ланой большое блюдо с устрицами, которые были искусно выложены на колотом льду вперемешку с четвер-

тинками яркого лимона. Рядом юноша поставил тарелку с ломтиками хрустящего ароматного хлеба и небольшими розочками из сливочного масла.

– А что Герман сегодня такой молчаливый, – спросила Ева, наконец заметив, что он был с ней непривычно холоден. Но тут ее взгляд скользнул по подруге, и она обнаружила, что Лана сидит, не шевелясь, с довольно странным выражением лица, словно то, что она засунула себе в рот, вот-вот вывалится наружу. И она не ошибалась. Лана, взяв первую раковину, хотела, как это делали девушки за соседним столиком, втянуть ее содержимое себе в рот, но моллюск был таким влажным и пухлым, что, взяв его в рот, девушка почувствовала отвращение и невольно выпустила его обратно. К огромному ее сожалению, устрица не заняла свое привычное место, а соскользнула с раковины и благополучно приземлилась на ее бархатную юбку. Чтобы не привлекать внимания остальных, девушка не стала ничего предпринимать, а сидела и искося поглядывала на склизкую кучу, которая поблескивала на ее изумрудном плиссе, обдавая влажным холодом ноги. А вот вторую устрицу Лане удалось удержать у себя во рту, но проглотить ее все же сил не хватило. Ее солоновато-йодный вкус с примесью чего-то похожего на мелкие песчинки вызывал у девушки приступ тошноты. Именно в этот момент на подругу взглянула Ева и, сообразив, что Лана сейчас выплюнет устрицу прямо на стол, быстро предложила пройти в туалетную комнату.

Вбежав в туалет, Лана долго стояла, склонившись над раковиной, плевала, пускала слюни и мыла язык, а потом с раскрасневшимся лицом жалобно посмотрела на Еву.

– Я все испортила, хотела быть изысканной и красивой, а вышло все как всегда, – плаксиво проговорила Лана, промокая лицо салфетками.

– Зачем ты решила есть устриц, не понимаю.

– А что бы я заказала, нормальной еды здесь все равно нет. Я хотела заказать то, что выбрал Вова, но он заказал фуа-гра, а я терпеть не могу печеньку, а Герман с этой клешней краба – тоже не мой случай. Как бы я выковыривала мясо из панциря? Да еще ты так долго возилась с меню, что забыла, что я без очков?

– Ну ладно, ничего страшного, сейчас мы тебя припудрим и будешь как новенькая, закажем десерт и снова будет все в порядке.

– Нет, Ева, не будет все в порядке, посмотри на мою юбку.

– Какой ужас, Лана, что это?

– Это моя первая устрица, я ее хотела обратно вернуть в раковину, а она, мерзавка, не послушалась и ляпнулась прямо мне на колени.

Девушки вдруг безудержно начали смеяться и усердно старались смыть слизь от моллюска с бархата юбки, но пятно становилось только все больше и больше. Потом Лана сказала, что выйдет на улицу, чтобы быстрее все просушить.

– Если Вова вдруг решит выйти к тебе, то говорите о литературе, это твой конек, – наставляла ее Ева, поправляя растрепавшиеся волосы.

– Ой, Ева, по-моему, единственное, о чем он хочет говорить, так это о себе, – поглядывая на Владимира в приоткрытую дверь, произнесла Лана, тяжело вздохнув, потом, повернувшись к подруге, добавила: – Он заиклен на своей персоне и обратит на меня внимание, только если надену на себя маску с его лицом.

Лана направилась к выходу с печальным лицом, и когда подошла к гардеробщику, то уже еле сдерживала слезы. Пожилой мужчина, помогая ей надеть тренчкот, с участием заглянул в глаза и негромко спросил:

– У вас, милая барышня, что-то пошло не так?

– Да, вы правы, я ожидала от этого вечера большего, – ответила Лана, но выйти на улицу не спешила, а гардеробщик, привыкший, что ему изливают душу подвыпившие клиенты ресторана, уже приготовился слушать рассказ расстроенной девушки.

Лана присела на небольшой диванчик и медленно начала застегивать пуговицы плаща, погруженная в свои мысли.

– Вы только не вздумайте падать духом, когда человек сдаётся, то рассчитывать на благоприятный исход и не приходится. Вот я, например, никогда ничего в своей жизни не доводил до конца, теперь очень сожалею об этом, – тяжело вздыхая, проговорил мужчина, подпирая голову костлявой рукой.

Девушка перевела взгляд на желтое с зачёсанными назад волосами лицо мужчины и подумала, что не намерена сдаваться. «Я ни за что не собираюсь вот так на старости лет помогать людям, пришедшим развлекаться, надевать пальто. Если мне не суждено найти счастье в любви, значит, я сделаю головокружительную карьеру», – убеждала себя Лана, глядя на щуплого сутулого гардеробщика, который морща свой узкий лоб, ожидал от нее исповеди.

В этот момент Ева легкой походкой подошла к столу, за которым сидели парни, и завела беседу о предстоящем дне рождения:

– Через две недели у меня будет праздник в загородном доме на Валдае, прекрасное уединенное место с собственным небольшим озером. Я бы хотела вас обоих тоже пригласить, – щебетала Ева.

– А какой это день недели? – поинтересовался Герман. – Мне нужно отпроситься с работы.

– Сейчас посмотрю в ежедневнике, – сказала Ева и начала что-то перебирать в своей сумочке, как вдруг из кармашка ежедневника выпало кольцо, которое ей в Париже передал загадочный мужчина в парке. Сияя золотом и полоской синих сапфиров, оно со звоном упало на столешницу, привлекая всеобщее внимание, и Володя с ужасом воскликнул:

– Это же кольцо Авроры, откуда оно у тебя?

– Вовсе нет, ты ошибся, – судорожно забирая кольцо и пряча его обратно в сумку, заявила Ева.

– Ты врешь, это кольцо Авроры, не может быть такого совпадения! – не унимался Владимир.

В висках у Евы так бешено стучало, а лицо горело, что она не могла здраво мыслить.

– Герман, ты так и будешь молчать, пока Вова оскорбляет меня и обвиняет во лжи? – набросилась она на Германа, недоумевая, почему он не заступает за нее.

– А почему я должен быть уверен, что ты не врешь? Ты же мне солгала про библиотеку, – неожиданно для Евы заявил Герман, пожимая плечами и высказывая то, что вот уже несколько дней вертелось у него на языке.

Ева была шокирована, расстроена и даже напугана, единственное, что казалось ей уместным в этой ситуации, так это встать и уйти. Она быстро схватила свои вещи и, бросив напоследок на Германа оскорбленный, гневный взгляд, направилась к выходу. Увидев Лану, печально сидящую в компании гардеробщика, Ева выпалила:

– Мы уходим, десерта не будет.

Глава 4. Синица в руках

Ева сидела в гостиной, залитой солнечным светом, льющимся из гигантских окон. Взгляд ее был отрешенным и пустым, казалось, она лишь бионическая копия самой себя, лишенная чувств и переживаний. Посредине комнаты стояло большое ведро для бумаг, и Ева прицельно метала в него одну за другой прекрасные алые розы из огромного букета, безрадостно лежавшего у ее ног. Лана суежилась вокруг, пытаясь вывести Еву из меланхолии:

– Не понимаю, при чем здесь розы? Ну обидел тебя Герман, с кем не бывает, ну он же извинился! – кряхтела она, собирая с пола цветы, не долетевшие до цели.

– Букет – это не извинение, а жалкая подачка, – процедила Ева сквозь зубы, отправляя в полет следующий цветок, приземлившийся точно в центре ведра.

– В яблочко! – констатировала Лана. – Твои навыки метания становятся все лучше, но с настроением совсем беда, может, сделать чаю? – беспокойно глядя на подругу, предложила Лана.

– Надо говорить не «чаю», а «чай», – не отрываясь от своего занятия, все так же отрешенно сказала Ева.

– Нет, раз уж на то пошло, то правильной будет сказать «Шампанского!», – заливисто хохоча и дергая Еву за руки, пыталась расшевелить ее Лана. – Ну все, Ева, бог с ним, с этим Германом, не могу видеть тебя такой, у тебя этих парней целый строй, а ты сидишь тут и грустишь по этому негодяю.

– Вовсе я не грущу по нему, еще не хватало, – фыркнула Ева, – просто я не ожидала, что он не поддержит меня, а я не люблю ошибаться, ты же знаешь!.. Ах, а еще я не люблю опаздывать, я совсем забыла, у меня же назначена встреча в музее, – резко вставая, сказала Ева и направилась в гардеробную. Когда через минут двадцать она снова предстала перед подругой, та уставилась на Еву в таком недоумении, что даже ее крошечные глазки на секунду стали похожи на крупные блестящие бусины. Ева облачилась в черное кожаное платье, плотно обтягивающее ее стройную фигуру с обольстительными формами, на ногах красовались красные туфли с острым носком. Волосы были уложены не в мягкие локоны, а выпрямлены и отполированы до зеркального блеска, мягкий излом бровей был исправлен на горделивые брови вразлёт, а чувственные губы покрывала матовая помада цвета спелой вишни. Еве и раньше был чужд сентиментально-поэтический образ, но сегодня, отправляясь на встречу с Алексом, она хотела быть ни больше ни меньше роковой красавицей.

– А ты уверена, что у тебя встреча в музее? – беспокойно осведомилась Лана, прибирая в гостиной остатки оставленного Евой беспорядка.

Здание корпуса Бенуа в Санкт-Петербурге составляет неотъемлемую часть Государственного Русского музея, и всем, кто является поклонником русского авангарда или в чей круг интересов входит изобразительное искусство конца XIX и XX веков, хорошо знаком ионический портик строгого фасада в неоклассическом стиле, который торжественно смотрит на набережную канала Грибоедова. Одним из таких любителей модернизма в этом прекрасном городе на воде был Алекс, точнее Александр Лисовский. Первый раз в корпус Бенуа его привел отец, когда маленькому Сашеньке было всего шесть лет. Он провел сына по залам, наполненным непривычно яркими, будоражащими воображение красками. Это впечатление было таким пронзительным, что спустя двенадцать лет оно не стёрлось из памяти Александра, а, наоборот, лишь заиграло новыми, более осознанными гранями. Юноша хорошо помнил, как ребенком, бегая из зала в зал, присматривался к огромным полотнам, принимался, пытаясь почувствовать запах масляных красок, который обычно исходил от работ его отца, потом садился прямо на паркет, в свете солнечного луча, любясь какой-нибудь непонятной скульптурой, и, немного

передохнув, вскакивал и снова неся в следующий зал за новыми впечатлениями. Однажды он остановился у большой картины Марка Шагала «Прогулка» и долго стоял, рассматривая необычный для него сюжет. На полотне был изображен мужчина в черном костюме, стоящий на лужайке на фоне городского пейзажа. Подняв руку над головой, он крепко держал парящую в небе девушку с большими черными глазами, которая была одета в розовое платье. Отец Алекса стоял позади и не мешал мальчику обдумывать увиденное, ожидая, когда сын поделится с ним впечатлениями. И вот, спустя минут пять Саша, недоумевающая, спросил:

– Зачем он держит ее?

– Наверное, очень сильно любит и боится потерять, – задумчиво произнес мужчина, вкладывая в слова свои собственные переживания.

– Я не про девушку, с ней все понятно, – со взрослой не по годам иронией произнес Саша, – я про птицу. Зачем он правой рукой сжимает птицу, почему не выпустить хотя бы ее?

Мужчина был в замешательстве. Он много раз рассматривал эту картину и всегда был так поглощён полетом Беллы, жены Шагала, что не замечал птицы, про которую сейчас спрашивал маленький Саша. Поэтому он повернулся к малышу и, скрывая за улыбкой свое удивление, произнес:

– Наверное, он хотел иметь все сразу: и синицу в руках, и журавля в небе. Знаешь такую русскую поговорку?

Тогда Саша не понял, что хотел сказать ему этим отец, но сегодня, ожидая Еву, которая опаздывала уже на полчаса, он вдруг почувствовал себя героем этого бессмертного шедевра. Он уже ухватил в руки синицу в образе нужного ему факультета и организации, которая сулила успех в будущем, но был не в силах выпустить журавля – свою губительную страсть, свою всепоглощающую любовь, свою красавицу – Еву.

«Надо со всем этим завязывать, – прошептал Алекс, вглядываясь в картину, – я должен отпустить Еву, не могу больше находиться в этом дурацком униженном положении, вот сейчас она придёт, и я скажу, что все кончено, только поцелую ее в последний раз и отпущу». Алекс начал придумывать красивые фразы, представляя момент их расставания, когда услышал шаги позади себя. В совсем пустом зале это легкое постукивание тоненьких каблучков вторило ударам взволнованного сердца юноши, он постарался унять волнение и обернулся, предвкушая их прощальный разговор.

Ева по плотно сжатым губам Алекса сразу поняла, что он чем-то озадачен. Она остановилась в шаге от него и несколько раз обернулась вокруг своей оси, демонстрируя свой наряд. Отчего Алекс не смог сдержать улыбку и тут же расслабился, забывая о своих переживаниях. Улыбка Алекса уже сроднилась с Евой, с ее именем, ее образом, звуком ее голоса. Каждый раз, когда он видел ее, вокруг будто взрывались тысячи звезд, и противостоять ей он был не в силах. Это было удивительно, но каждый из них считал другого своей роковой страстью, оба они знали, что будущего у их отношений нет, оба понимали, что их тайную связь пора прервать, но оба не могли найти в себе сил это сделать, столь велико было наслаждение от каждой минуты, проведенной наедине, столь необузданно было желание обладать хотя бы частичкой сердца другого, что решиться поставить точку никто из них не мог.

Алекс с восторгом смотрел на Еву и в первый миг не мог проронить ни слова, потом порывисто приблизился и с жадностью поцеловал, обреченно констатируя в уме, что не в силах отказаться от нее сию минуту.

Он втянул аромат ее сладких духов и, коснувшись теплой щеки губами, подумал: «Сначала нужно убедить ее провести со мной ночь, иначе я никогда не смогу выкинуть ее из головы». Потом немного отстранился от ее лица, вглядываясь в до боли знакомые черты: ровный нос, капризный изгиб губ, пылливо смотрящие глаза, полные желания подчинять своей воле. «Нет, никогда мы не сможем быть вместе по-настоящему, уж слишком похожи», – заключил мысленно Алекс, а вслух сказал:

– Может, спустимся в кафе, я уже полчаса мечтаю о чашке кофе.

– А как же картины? – удивилась Ева.

– Главный шедевр моей жизни и так предо мной, – заявил Алекс, снова сжимая ее в объятиях. – Прибавить еще эспрессо, и я буду абсолютно счастливым человеком, – смеясь сказал он, мечтая как можно быстрее покинуть зал с картиной, которая так разбередила его душу.

– Знаешь, почему я задержалась? – как ни в чем не бывало начала щебетать девушка, увлекая Алекса в беседу. – Я вошла в музей с площади Искусств и хотела быстренько добегать до корпуса Бенуа, но случайно остановилась у «Ангела Златые волосы», присмотрелась и почувствовала, что глаза архангела Гавриила хранят такую тихую печаль, я вдруг поняла, что это самый трогательный лик, который я когда-либо видела на иконе. Я начала размышлять, сколько людей за девять веков вглядывались в это изображение, пытаюсь найти умиротворение или, может, прося о помощи, так я и стояла, потеряв счет времени, ну ты же сам знаешь, как это бывает. Истинные шедевры пишут не для того, чтобы украсить стену, а для того, чтобы задеть душу.

Алекс в ответ лишь сжал ее руку, он часто приглашал Еву в корпус Бенуа на необычные свидания, они бродили среди картин, делясь своими впечатлениями об увиденном, потом садились на диванчик, напротив какого-нибудь полотна и целовались без устали, не боясь быть замеченными знакомыми, а через время спускались в кафе, поглощенные друг другом. И вот сегодня, когда они зашли в просторное кафе корпуса Бенуа, выдержанное в изысканном неоклассическом стиле, то немногочисленные посетители залюбовались столь очаровательной парой, привлекающей внимание не хуже, чем скульптуры, выставленные в этом музее. Столько в них было грации и стати, столько утонченной, почти античной красоты, которую невозможно было не оценить. А молодые люди, полностью увлеченные друг другом, сели на излюбленное место – за круглый столик у стены – в ожидании официанта. Ева картинно положила руки на стол, и Алекс сразу прикрыл их своими ладонями, а потом подался вперед и, приподняв их, с жаром начал покрывать ее тонкие пальцы поцелуями. Ева тут же отреагировала на его порыв, она неспешно облизнула губы, начала чуть чаще дышать и подняла на Алекса томный взгляд, тоже слегка наклонившись над столом, так, чтобы ее грудь в черном платье контрастировала с фоном белой скатерти. Алекс поднялся, придвинул свой стул вплотную к стулу Евы, приподнял ее личико за подбородок и жадно впился в губы горячим поцелуем.

Поскольку зал был очень хорошо освещен и столы располагались достаточно просторно, то немногочисленная публика, состоящая в основном из пожилых дам и мамочек с детьми, сразу обратила внимание на целующихся в храме искусства. Молниеносно возле стола появилась официантка и, прокашлявшись, чтобы привлечь к себе внимание, произнесла:

– Что будете заказывать?

– Капучино, эспрессо с молоком, пожалуйста, и две булочки с черникой, – ответил Алекс, подняв на официантку затуманенный взор, и, как только она отошла, хотел тут же продолжить целовать Еву, но она вдруг отстранилась и, прикрывая пальцами его губы, сказала:

– Неловко, здесь так светло.

– А может, рванем в кино? Ну его, этот кофе, оставим деньги под сахарницей. А лучше поедem ко мне, родители навещают родственников, дома только Акрил, – многозначительно понижая голос, предложил Алекс.

Но Ева отрицательно покачала головой:

– Прости, но у меня сегодня совсем немного времени, в 15:00 встречаюсь с Тарэком по поводу торжественного собрания Гериона, будем озвучивать фильм. Оказывается, этот год для организации юбилейный, Герион существует уже тридцать пять лет, и на этот юбилей придет человек, который возглавляет нашу организацию, мы, наконец, сможем узнать, кто это.

– А что, разве всем руководит не Тарэк-старший? – спросил Алекс, и было заметно, что эта информация его озадачила, мгновенно вырвав из сладостной любовной истомы. Он приподнял брови, сморщивая лоб, сплел в замок пальцы рук и начал что-то прикидывать в уме.

– Я тоже раньше так думала, но вчера Петр так загадочно говорил об этом, что мне стало казаться, будто Герион – это какое-то мифическое существо, а вовсе не отец Тарэка. А когда я спросила у Инги, она сказала, что ее в такие подробности не посвящают.

– Вот это поворот! – протяжно произнес юноша. – Интересно, кто же этот загадочный человек, который тайно руководит Герионом? Как только мне начинает казаться, что я понимаю суть нашей организации, все вдруг встает с ног на голову.

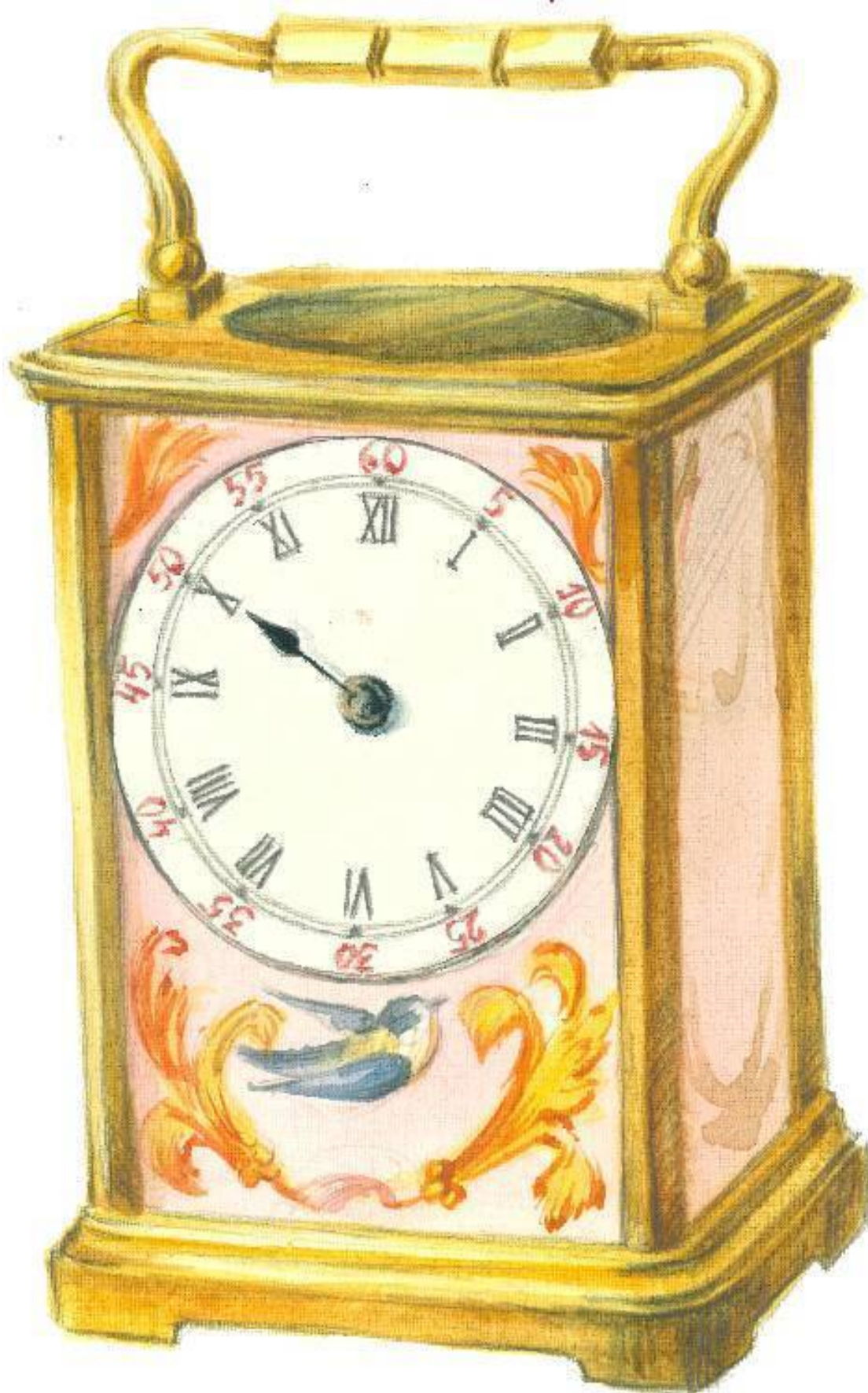
– Кстати, я все забываю у тебя спросить, неужели у тебя не было заданий от Гериона? С тех пор как я передала тебе карточку, с трудом, между прочим, добытую, прошло уже столько времени, неужели они не попытались тебя испытать?

– Почему не попытались, очень даже. Только вот беда, я не смог выполнить свое задание... пока не смог, – тяжело вздыхая, ответил Алекс и снова обхватил Евины теплые руки.

– Может, тебе нужна помощь? Или это большой секрет?

– Задание, конечно, секретное, но ты же знаешь, у меня нет от тебя тайн.

– Тогда рассказывай, я большой спец по заданиям Гериона, – оживилась Ева, предвкушая новую порцию приключений.

– Я слышал, что все испытания организации весьма странные, но мое вообще за гранью здравого смысла. Представляешь, мне нужно разыскать дома у Матюши часы.

– Часы?

– Подожди, ты не дослушала, не просто часы, а старинные каретные часы французских мастеров, с расписными фарфоровыми панелями. Смешно, правда, откуда у Матюши в доме такие часы? У них даже ни одной ложки старинной нет. А самое главное, я не должен ему об этом говорить, вот и рыскаю у него по квартире, будто вор какой-то, ужас.

– Я думала, вы подружились, – грустно произнесла Ева, вспоминая, как держала эти часы в руках у Матвея в загородном доме и как обрадовался его отец, когда вдруг эти часы издали мелодичный негромкий бой.

– А мы действительно стали друзьями, он клёвый и верный, хоть и простачок, – ответил Алекс, возвращая Еву от воспоминаний к их разговору.

– И зачем эти часы понадобились Тарэку?

– Я думаю, никаких часов не существует, это просто проверка для меня, расколую я Матюше или смогу сохранить тайну, несмотря на нашу с ним дружбу.

– Да, наверное, – неопределенно произнесла Ева, глядя в глубину зала.

– Что «да»? Это не совет, Ева, я не знаю, как мне теперь быть, скоро собрание, а я даже приглашение еще не получил. И если не исполню задание, то, скорее всего, и не получу. А ты же знаешь, как для меня все это важно.

– Да, знаю, я придумаю что-нибудь, не переживай, – затараторила Ева, поспешно вставая. – Мне пора, прости, – скороговоркой проговорила она, спешно чмокнула Алекса на прощание и быстро вышла из зала кафе, оставляя недоумевающего юношу наедине со своими догадками, вопросами и булочками с черникой.

Ева шла на встречу с Тарэком, перебирая в голове внезапно открывшиеся факты, которые казались ей все подозрительнее. Во-первых, ей хотелось как можно скорее избавиться от кольца, полученного в Париже, и было не понятно, зачем оно понадобилось Тарэку и почему его так таинственно нужно было передавать. Во-вторых, ее мучил вопрос, откуда Тарэк узнал о семейной реликвии Матвея и что он собирается с ней делать, если Алекс все-таки выполнит свое задание? Ну и, конечно, самый главный вопрос, который не давал покоя не только Еве, но и Алексу, – кто на самом деле возглавляет Герион?

– Алло, Матюш, мне срочно нужно с тобой встретиться, – громко проговорила Ева, пытаясь перекричать звуки большого потока автомобилей, едущих по Московскому проспекту.

– Ева, это лучшее, что можно было услышать, отвечая на твой звонок, – произнес Матвей, и по его голосу было понятно, что он приятно удивлен. – Но я не могу сейчас приехать, жду доставку мебели для гостевой спальни, дома больше никого нет. А ты сейчас где?

– Я вышла из универа, мы с Тарэком озвучивали фильм к собранию.

– Это же недалеко от моего дома. Может, зайдешь в гости? Я буду очень рад.

Ева быстро поднималась по ступенькам просторной парадной сталинского дома. Она держала в руках изысканную коробочку с пирожными макароны, поправляя на ходу распушившиеся на ветру волосы. Впереди неспешно шла тучная женщина в синем плаще и в белом крошечном берете, тяжело дыша, и когда девушка поравнялась с ней, то обнаружилось, что это Екатерина Ивановна, мать Матвея. Обе они были изрядно удивлены такой неожиданной встрече.

– Здравствуйте, а я вот к вам, Матвей пригласил на чай, – приветливо улыбаясь, произнесла Ева, а сама подумала, что гораздо лучше было бы, если бы Екатерина Ивановна пришла домой позже.

– Здравствуй, Ева, давно тебя не видела. Или ты специально забегаешь к нам, когда меня нет дома? – улыбаясь ответила женщина, переводя дух, и Ева в язвительных нотках ее голоса уловила еле заметный двусмысленный намек.

Девушке сразу захотелось оправдаться, но потом она подумала, что ей нет дела, какие мысли блуждают в голове этой заносчивой дамы, и, слегка понизив голос, спросила:

– Екатерина Ивановна, у моего дяди ошенилась собака, золотистый ретривер, мне очень хочется одного из щенков подарить Матвею, думала, это могло бы порадовать его после смерти Захара, только вот хотела прежде посоветоваться с вами, потому что понимаю: собака в доме – это как новый член семьи.

Дама замерла, она стояла с раскрасневшимся лицом, выпучив глаза на Еву, и буря эмоций нахлынула на нее с такой силой, что, казалось, еще немного, и с ней случится удар. С момента гибели их лабрадора прошло чуть больше полугода, но боль утраты еще жила в ее исстрадавшемся от череды потерь сердце. Екатерина Ивановна отвернулась и молча продолжила свой путь, но, пройдя несколько ступенек, все же решила ответить. Она, медленно переставляя ноги, тихо бросила через плечо:

– Ужасная идея, мы не станем больше к кому-то привязываться, чтобы потом опять потерять.

Пожалуй, если бы Ева говорила с кем-то другим, то непременно сказала бы что-то вроде того, что если постоянно бояться потерь и страданий, то не узнаешь радости, но, зная историю этой женщины, которая потеряла сына, Ева решила, что не ей учить Екатерину Ивановну. Да и, может, в чем-то дама была права, привязаться к кому-то, пустить его в свое сердце – значит навсегда обречь себя на страх этого кого-то потерять.

Не успела Екатерина Ивановна вставить ключ в замочную скважину, как входная дверь распахнулась, и на пороге появился Матвей с сияющим от удовольствия лицом. Он не знал, кому первому помочь снять верхнюю одежду, поэтому ступешался, на что Екатерина Ивановна недовольно фыркнула и, сбрасывая на ходу туфли, прямо в плаще проследовала в свою комнату. Матвей, увидев грустное от разговора с его матерью лицо Евы, приобнял ее своими мощными руками и, слегка наклонившись к ней, с участием прошептал:

– Евочка, что случилось? На тебе просто лица нет.

Девушка вдруг ощутила тепло и заботу, которая исходила от этого некрасивого, но очень доброго парня. Они часто делились друг с другом своими проблемами, а та страшная ночь, когда Матвей рассказал ей, что виновен в смерти своего брата, соединила их, казалось, нерушимыми узами. Ева совсем забыла о причине своего визита, ей почему-то захотелось пожаловаться Матвею и рассказать, что поссорилась с Германом и теперь не знает, как это исправить, и еще Екатерина Ивановна отклонила предложение, которое она так долго вынашивала, хотела порадовать их семью. Ева внезапно уткнулась в грудь юноши и всхлипнула.

– Что ты, милая? – поглаживая по спине Еву, шептал юноша, он прижал ее нежное тело и хотел что-то еще сказать, ласковое и приободряющее, но в прихожей неожиданно загорелся свет, и послышался недовольный голос Екатерины Ивановны:

– Что это вы в темноте стоите? Матвей, приглашай гостью к столу.

Этот громкий голос тут же остудил Евино желание излить душу другу, она быстро вытерла мокрые глаза и, украсив лицо сияющей улыбкой, прошла в гостиную. Екатерина Ивановна хлопотала у стола, расставляя чайный сервиз. Матвей, конечно, мечтал схватить гостью за руку и потащить в свою комнату, но огорчать мать не хотел, поэтому скрепя сердце усадил Еву за стол, надеясь, что беседа с Екатериной Ивановной не затянется. Екатерина Ивановна же, как и всякая мать, не могла допустить, что Еве нравится кто-то другой, кроме ее драгоценного сына, поэтому смотрела на Еву пристально и с опаской.

Екатерине Ивановне непременно хотелось выяснить, какие у Евы планы относительно ее сына, она начала разливать чай и тут же без лишних церемоний принялась задавать Еве недвусмысленные вопросы:

– Евочка, а о чем вы мечтаете? – спросила Екатерина Ивановна, так что девушке поначалу показалось, что она просто планирует вести светскую беседу, и поэтому Ева ответила первое, что пришло ей на ум.

– Как и большинство, наверное, жить на красивой зеленой планете, где нет ни войн, ни болезней, ни страданий.

– Нет, вы не поняли, о чем вы мечтаете лично для себя, как женщина? – настаивала Екатерина Ивановна. Ева, кажется, начала понимать, к чему дама клонит, и это почему-то вызвало у девушки приступ бунтарства.

– Ах, вы об этом, ну, конечно же, я мечтаю как можно скорее выйти замуж за Матюшу и родить побольше детей, – объявила, улыбаясь, девушка.

Матвей от ее слов поперхнулся чаем и начал кашлять, краснея.

– А как же карьера? – заохала мама Матвея, плюхаясь на стул прямо с чайником в руках.

– Ну я работать точно не собираюсь, у вас есть деньги и связи, вы же нас с Матюшей не оставите. Зачем мне работать? – не унималась Ева, готовая во всю вступить в противостояние с женщиной, которая явно подозревала Еву в намерении стать ее невесткой.

– Мама, я прошу тебя, ты не понимаешь, Ева просто шутит, – попытался вмешаться едва пришедший в себя Матвей.

– Нет, Матюша, это ты не понимаешь, что шутит Ева вовсе не со мной, а с тобой, дружок. Как только у нее какие-то проблемы, так ты ей сразу нужен, а как у нее все хорошо, так она в Париже с другими, – высказала дама то, что никогда бы не решился сказать вслух ее сын.

– Я, пожалуй, пойду – заявила Ева, вставая.

– Нет, нет, Ева, я прошу, просто подожди меня в моей комнате, – запротестовал растерявшийся Матвей.

В любой другой подобной ситуации Ева обязательно бы покинула недружелюбно расположенное к ней общество, но сейчас ей непременно хотелось обсудить с другом задание Алекса и выяснить причину, по которой Тарэки могли разыскивать его каретные часы. Поэтому она все же прошла в комнату Матвея, который появился там через пару минут, пунцовый от разговора с матерью, и тут же начал извиняться:

– Евочка, ты прости ее, не знаю, что на нее нашло.

– Это ты прости меня, я не думала, что все это тебя так ранит и что мама твоя переживает, тебе следовало мне что-то сказать.

– А что бы я сказал? Я же вижу, что тебе нравится другой... – грустно отводя взгляд в сторону, ответил Матвей.

– И кто, по-твоему, мне нравится? – настороженно переспросила Ева.

– Герман, но я знаю, что вы в ссоре, и, очевидно, ты расстроена из-за этого, он тоже очень огорчен, звонил мне несколько раз, спрашивал, где может тебя найти. Говорит, ты не отвечаешь на его звонки. Может, расскажешь, что случилось?

– Знаешь, Матюш, сейчас не до Германа, – усаживаясь в глубокое серое кресло, произнесла девушка. Как только она услышала, что Герман планирует с ней помириться, от ее печали не осталось и следа. – У меня тут такая новость.

– Новость? – удивился Матвей, растерянно присаживаясь на вертящийся стул напротив гостыи.

– Ты не поверишь, я и сама до сих пор в шоке, но Герион дал Алексу задание похитить ваши каретные часы!

– Не может быть!

– Я тоже сначала так подумала, вот только они знают, что часы старинные, французские, но не подозревают, что вы храните их в загородном доме. Вспомни все, что ты знаешь об этих часах, как они у вас появились, что про них говорил твой дед. Мы должны разобраться, зачем они могли понадобиться Тарэкам.

– Я толком ничего не знаю, мне известно лишь то, что дедушка перед смертью отдал отцу эти часы и сказал, что они помогут ему в затруднительной ситуации. Я был уверен, что в них тайник, и еще подростком снял одну из панелей, надеялся, что дед спрятал там драгоценные камни, но внутри часов ничего нет.

– Так, ну они явно представляют какую-то ценность, судя по словам твоего деда и по тому, что их ищет Герион. Вот только бы понять какую, но в любом случае мы организации их не отдадим. Это уж слишком, – взволнованно заявила Ева.

– Ты Алексу не сказала, что видела эти часы?

– Конечно нет, это же ваша семейная реликвия!

– А как же его задание? Вдруг из-за провала Алекса исключат из Гериона, а он так радуется, что его приняли, все время об этом говорит, – разволновался Матвей. Он очень дорожил дружбой Алекса и готов был сделать для него что угодно, но Ева так убедительно говорила, что жертвовать часами ни в коем случае нельзя, что Матвею ничего не оставалось, как согласиться.

Пока Матвей пытался припомнить что-то еще о часах, Ева огляделась вокруг, внимательно рассматривая яркую комнату друга. Ее удивило такое бесчисленное количество разных сценариев света на многоуровневом потолке и стенах, выкрашенных в темно-синий цвет, поразила круглая кровать, стоящая вплотную к раскрытому окну, и огромное полотно в тонкой позолоченной раме с напечатанным на нем изображением двух лошадей на фоне неестественного пейзажа. Она перевела взгляд на компьютерный стол с многочисленными полочками, заставленными шкатулками, коробочками, фигурками разной тематики, моделями машин, коллекцией наушников и песочных часов. Ева прикрыла на мгновение глаза, чтобы переварить в голове этот калейдоскоп впечатлений, и снова обратилась к Матвею:

– Алекс сказал мне, что твой дед был дипломатом, может, он по службе пересекался с Тарэками?

– У меня есть фотографии деда с друзьями и коллегами, я, кстати, показывал их недавно Алексу. Сейчас принесу альбом, может, нам удастся найти какую-то зацепку, – выпалил на ходу Матвей, выбегая из комнаты.

Вернулся юноша не только с альбомами, но и с хрустальным салатником, доверху наполненным крупной спелой черешней. Он поставил его на низкий журнальный столик рядом с Евой и, пристраивая рядом ветхие пыльные альбомы, радостно проговорил:

– Мама немного расстроилась, что вы повздорили, но вот, передала для тебя черешню.

– Ой, надеюсь, она не как яблочки для Белоснежки и я не засну мертвым сном.

– Было бы не очень удобно, так как ты в ссоре с принцем, кто бы тебя разбудил поцелуем? О, вот, кстати, и принц, – вглядываясь в экран звонящего телефона, на котором высветилось имя «Герман», сказал Матвей. – Мне ответить? – спросил он, дотронувшись до Евиной руки.

Секунду она колебалась, но потом все-таки кивнула.

– Слушаю, – сказал Матвей, многозначительно глядя на подругу, ожидая от нее подсказок, что говорить Герману.

– Матвей, привет, слушай, ты случайно не знаешь, где Ева? Я тут пришел к ней домой, а Натали сказала, что ее нет с самого утра, и Лана ее не видела. Может, ты в курсе?

Матвей прикрыл микрофон рукой и спросил:

– Ищет тебя, позвать его к нам?

Ева сделала равнодушный вид и слегка пожала плечами. Она, конечно, отдавала себе отчет в том, что без Германа краски ее жизни немного потускнели, но она не могла себе позволить быть с тем, кто не станет за нее бороться или не будет на ее стороне в любой ситуации.

Но рубить с плеча Ева тоже не хотела, поэтому решила посмотреть, что все-таки Герман предпримет, чтобы вернуть ее расположение и доверие.

– Она у меня, если хочешь, приходи, – услышала Ева слова Матвея, и ее сердце учащенно забилося.

И не успели они доестъ черешню и обсудить, как наказывала Екатерина Ивановна Матвея в детстве, дверь комнаты открылась и на пороге сначала показалась мать Матвея со словами: «Матюша, к тебе еще один гость», а следом появилась спортивная фигура Германа с неизменной улыбкой на лице. Матвей тут же сделал шаг навстречу гостю, пожимая ему руку, но Герман смотрел мимо него, его внимание было всецело приковано к Еве, которая листала старинный фотоальбом в коричневом кожаном переплете.

– Привет, – наклоняясь к ней для поцелуя, произнес Герман, но Ева подалась вперед, будто хотела взять другой альбом, тем самым избежав прикосновений юноши.

– Привет, – ответила она так безэмоционально, что Герман даже растерялся. С того момента, как она оставила его с Владимиром за столом ресторана, окинув испепеляющим взглядом, прошел сорок один час. Сорок один час страданий, сомнений и самобичевания. Сначала Герман решил, что жизнь его в этом городе кончена, и начал собирать вещи, чтобы отправиться к матери в Турцию, примерно на втором собранном чемодане Герман осознал, что все это чудовищная ошибка и глупо разрушать их с Евой отношения из-за приступа необоснованной ревности, но все попытки оправдаться или хотя бы увидеться с Евой оказались тщетными. Герман понимал, что она была шокирована тем, что он не защитил ее, когда Володя обвинил Еву в похищении кольца у Авроры, но искренне надеялся, что все еще можно исправить. Юноша стоял посреди комнаты и какое-то время не знал, что ему делать, но потом совладал со своим волнением и начал расспрашивать Матвея, чем они занимаются.

– Да вот, рассматриваем старые фотки.

– Круто, я люблю черно-белые снимки, – сдержанно произнес Герман и начал листать альбом, переворачивая одну страницу за другой. – А вот Вовкин дед.

– Да, в то время все были похожими друг на друга, один стиль в одежде, одинаковые стрижки, – рассуждал Матвей, подходя к Герману.

– При чем здесь стиль в одежде? Это Иван Сергеевич, дедушка Вовы, я с ним хорошо был знаком, да он умер не так давно.

Ева быстро поднялась с кресла и, недоумевая, подошла к ребятам:

– Ты уверен, что не ошибся?

– Конечно уверен, вот эту фотку я недавно видел у Вовы, еще советовал ему отдать ее Авроре. Этот светловолосый мужчина и есть Иван Сергеевич, очень уважаемый был человек, кстати, тоже занимался политикой.

– Не может быть, я не верю своим ушам! На этой фотографии друзья моего деда, значит, один из них – дед Володи? – рассматривая фотографию, на которой три друга стояли в обнимку на фоне Министерства иностранных дел, проговорил Матвей. – Этого не может быть.

– Это очень странное совпадение, – объявила Ева, забирая у Матвея фотографию и всматриваясь в черты изображенных на ней мужчин.

– Герман, смотри на третьего мужчину на этом фото, он же точная копия того, с которым я встречалась в Люксембургском саду, – объявила Ева, позабыв от шока демонстрировать свое безразличие к нему.

– Да, очень похож, но время снимка – семьдесят пятый год, может, это его сын?

– Нет, племянник, и это он передал мне то самое кольцо для Тарэка, – поднимая глаза на Германа, произнесла Ева, отчего Герман изрядно покраснел.

– Так, стоп, какое еще кольцо для Тарэка? – вмешался Матвей.

– Это было новое задание от Гериона, мне в Париже передали кольцо.

– Давайте еще разберем все факты: мой дед, дед Володи и некий человек из Парижа были друзьями или коллегами, и у них были некие предметы, которые почему-то ищет Тарэк. Кольцо и наши каретные часы, а может, что-то еще, и это что-то, скорее всего, дома у Володи. Осталось только понять, зачем Гериону эти вещи?

Ева была так возбуждена, озадачена и шокирована открывшимися подробностями, что тут же готова была бросить все силы на разгадку этой тайны.

– А куда ты дела кольцо? – поинтересовался Матвей.

– К сожалению, я его сегодня отдала Тарэку.

– Жаль.

– Мне бы в любом случае пришлось бы его отдать, я же не могла себе присвоить чужое кольцо.

– Как же нам во всем разобраться? – потирая голову, спросил Матюша.

– Я думаю, стоит дождаться общего собрания Гериона. Может, там нам удастся все выяснить.

– Только я прошу вас, будьте осторожны, а может, лучше вообще в это не лезть, – предостерег их Герман.

– Нет, мы не можем отступить, это же касается семей наших друзей, – возразила воинственно настроенная Ева. – Но от тебя, Герман, никто и не ждет помощи, ты уже проявил себя, – намекая на историю на двойном свидании, высказалась Ева, – а сейчас мне пора домой.

– Я тебя отвезу, – в один голос выпалили парни и засмеялись.

– Я поеду с Матюшей, – выбрала Ева, убив этими словами Германа наповал.

Молодые люди вышли втроем в просторную гостиную, кучно по-мещански заставленную добротной мебелью, и направились к выходу, но их по пути перехватила Екатерина Ивановна в домашнем шелковом костюме и, хватая сына за руку, нервно выпалила:

– А куда это ты собрался? Сейчас привезут мебель, мне понадобится твоя помощь!

– Ма, я быстро.

– Нет, хочешь оставить меня одну с мужланами грузчиками, – не унималась, краснея от негодования, Екатерина Ивановна.

Герман в этот момент просиял и, хлопая Матвея по плечу, радостно проговорил:

– Матюш, нехорошо расстраивать маму, а о Еве я позабочусь.

Ехали молча, Герман, привыкший на каждом светофоре брать Еву за руку, несколько раз делал такую попытку, но она сидела, скрестив руки на груди, и рассматривала в окно опускающийся на город вечер. Девушка, конечно, понимала, что гораздо больше виновата перед Германом, чем он перед ней, но все же ждала, что он будет просить прощения. Спустя время она обратила на Германа удивленный взгляд и, недоумевая, спросила:

– А куда мы едем, мы повернули не в ту сторону?

– Ох, Ева, – протяжно начал объяснять юноша, – моя мама редко занималась моим воспитанием, но две вещи она мне внушила четко: не есть с ножа и никогда не выяснять отношения за рулем, вот я и решил отвезти тебя в одно прекрасное место.

– Я не хочу.

– Ева, уверяю, тебе понравится.

– Я не хочу выяснять отношения.

– Хорошо, никаких выяснений, просто поговорим.

Как только Герман помог ей выйти из машины, то не удержался и прижал к себе.

– Пойдем, пока я не передумала, – высвобождаясь из его объятий, холодно произнесла Ева и направилась вдоль роскошной ограды Летнего сада ко входу, понимая, куда намерен повести ее Герман. Она подумала о странном совпадении: утром Алекс ее пригласил в корпус Бенуа, принадлежащий Русскому музею, а вечером Герман привез ее в Летний сад, тоже

принадлежащий Русскому музею. Хотя эти два молодых человека были очень разными, но, видимо, что-то всё-таки было у них общее – они точно знали, чем ее можно порадовать. Вот о чем размышляла Ева, любуясь чугунной решёткой ограды в классическом стиле.

Герман немного отстал, с кем-то разговаривая по телефону, а потом, очень довольный, присоединился к подруге, которая уже начала свое движение по главной аллее самого романтического сада Петербурга. Только Ева подошла к первому фонтану, носившему название «Царицын», разглядывая его основание в виде черных и белых квадратных мраморных плит, расположенных в шахматном порядке, как вдруг к ней приблизился незнакомый парень и, протянув пышный розовый пион, произнес:

– Это для вас, – не успела Ева опомниться, как этот незнакомец затерялся в людской толпе.

Пройдя немного вперед, Ева заметила еще одного молодого человека с пионом в руках; у фонтана «Пирамида», напоминающего свадебный торт, ее ожидала парочка влюбленных с пионами, и тут же малыш, пробегая мимо, вручил ей еще один цветок. Ева шла, а из разных концов парка к ней стремились молодые люди, протягивая ароматные пионы. Она обернулась на Германа, идущего позади, и хотела спросить, как ему удалось такое устроить, но тут у статуи «Нимфа Летнего сада» появились живые руки, которые держали табличку с надписью: «Ева, прости Германа», человека, который держал эту табличку, не было видно, он стоял позади скульптуры, и поэтому казалось, что к Еве обращается сама статуя. Ева прошла еще немного, и такая же табличка появилась у изваяния Минервы, а затем и у скульптурной группы «Амур и Психея». Будто с ней говорило само искусство. Ева задержалась, внимательно рассматривая этих героев, а потом, покачав головой, смеясь обратилась к Герману:

– Ну все, Герман, может быть, уже скажешь что-нибудь сам?

– Конечно, я хочу извиниться за свое ужасное поведение в ресторане. Я понимаю, что тебе могло показаться, будто я встал на сторону Володи или, еще того хуже, могу подозревать тебя в краже. Но ты должна знать, будь ты хоть трижды расхитительницей гробниц, я все равно бы был на твоей стороне, единственное, что я не смогу вынести, – это измена. Но теперь, когда я узнал, какие тайны существуют в вашей организации, то понимаю, что Алекс, скорее всего, приходил к тебе домой из-за какого-то важного задания и ты не могла мне об этом сказать, сохраняя секретность. Но в тот момент, когда я увидел вас вместе, просто потерял голову, а когда ты солгала мне, сказав, что не дома, а в библиотеке, у меня будто помутился рассудок, поэтому в ресторане наговорил тебе всякого. Но такого больше не повторится, обещаю.

Герман говорил много и слегка сбивчиво, Ева его не перебивала, она смотрела, широко раскрыв глаза, и ее щеки все больше заливались румянцем от каждого произнесенного им слова. Ужасаясь, она думала, как хороший человек, добрый человек, искренний пытается оправдать ее отвратительные, странные поступки. Она могла бы убедить себя, что во всем виноваты Герион и Алекс, которые оплели ее паутиной тайн, лжи и соблазнов, но Ева знала, что она не из тех, кем можно управлять, а значит, все эти поступки были ее личными грехами. От осознания этого девушке невыносимо захотелось, чтобы Герман поскорее замолчал. Ева сделала шаг к нему и, приблизившись вплотную, вдруг прекратила поток его взволнованной речи горячим поцелуем. Она знала, что делает это очень умело, не оставляя партнеру ни малейшего шанса владеть своими мыслями и эмоциями, и Герман, обхватив пленительное тело девушки, моментально растворился в ее очаровании. Они стояли, слившись в поцелуе, среди античных скульптур из мрамора на фоне буйной зелени вековых деревьев и, словно мифические боги на Олимпе, отражались в брызгах чарующих фонтанов Летнего сада.

Глава 5. Басилевс

много лет подряд делал его дед, а потом и отец. Он сунул ноги в мягкие тапочки и посеменил к окну, где на мраморном подоконнике его ожидала большая чашка какао. Поставила ее туда минуту назад домработница, раздвинув тяжелые шторы. Юноша начал отпивать большими глотками напиток, хотя и не очень его любил, но, следуя семейным традициям, не решался заменить какао чашечкой черного кофе. Он какое-то время внимательно всматривался в весеннюю зелень небольшого сквера, раскинувшегося за окном, без интереса открыл ежедневник в кожаном переплете, пробегая глазами по плану на предстоящий день, а потом направился к стеклянной витрине со своей коллекцией. Это был словно утренний ритуал, которому Володя следовал с четырнадцати лет. Все началось, когда он получил паспорт гражданина Российской Федерации и дедушка Иван подарил ему в честь этого знаменательного дня первую фарфоровую фигурку из серии «Гоголевские персонажи» – это был Чичиков автора Воробьева. Сейчас, когда Володе шел уже двадцать второй год, вся коллекция этих персонажей была им собрана. Юноша любовался выстроенными в ряд фигурками, подсвеченными скрытыми светодиодами. Он любил рассматривать Плюшкина и Собакевича, и, конечно же, его радовала редкая фигурка Хлестакова, сидящего в кресле, ее удалось раздобыть с большим трудом, но сегодня он задумчиво смотрел именно на Коробочку. Юноша открыл стеклянную дверцу, взял в руки небольшую фигурку, расписанную цветными красками и покрытую глазурью. Эта дама из «Мертвых

душ» Гоголя, сидящая в кресле, напоминала ему бабушку Аврору, которая уехала сегодня

из дома раньше, чем он встал с постели. Сейчас Володя думал о бабушке как о собирательнице и любительнице предметов искусства. В их семье было много коллекционеров, но Аврора Александровна перещеголяла всех. Ее коллекция камей была уникальна и очень ценна,

но особенную ценность для Владимира составляла одна единственная камея, он пытался раздобыть ее уже почти год. И вот сегодня был именно тот день, когда его попытки должны были, наконец, увенчаться успехом. Сейчас закончит уборку домработница и покинет пределы их квартиры, а так как Аврора ушла из дома раньше, то дверь ее комнаты останется не запертой на ключ.

Володя волновался, прохаживался по комнате, мягко ступая на поскрипывающий паркет, он прислушивался к звукам в коридоре, и, когда входная дверь хлопнула, все тело юноши словно обдало жаром. Этот стук старинной двери был будто сигнал к действию: Владимир запахнул поглубже полы халата, потуже затянул пояс и достал из ящика письменного стола большой бумажный конверт, в котором лежали фотография с изображением его деда с двумя друзьями и потемневшая от времени записка. Юноша развернул листок и в очередной раз прочитал вслух: «Время разрушает красоту, любовь и богатство, но не властно над истинной дружбой». В его памяти возник мрачный осенний вечер, когда его дедушка покинул этот мир, оставив после себя лишь подписанный для Володи конверт, в котором лежали фотография и эта записка. Что значат эти слова и зачем дедушка, зачеркнув слово «красота», написал над ним «камей», Володя уже знал. Не знал он пока только, где раздобыть предметы, означавшие слова «время» и «любовь». То, что сначала казалось ему забавной игрой, постепенно превратилось в навязчивую идею, поглотившую все его существо и занимавшую все его мысли. Юноша изучил документы, оставшиеся в кабинете деда, много раз пересматривал семейные архивы, но нигде не находил ответа, он был убежден, что ключ к разгадке кроется в одной из камей Авроры Александровны. Володя надеялся, что сейчас сможет спокойно рассмотреть каждую, чтобы найти ту, в которой будут какие-то символы, буквы или цифры. Он глубоко вздохнул и, зачесав пальцами рук волосы назад, стремительно направился в комнату бабушки.

– Старее бабуля, так опростоволоситься – уехать и не запереть свою комнату, – шептал юноша, переступая порог спальни Авроры.

Владимир стремительно прошел через просторную, погруженную в полумрак спальню пожилой леди, которая сплошь была заставлена антикварной мебелью, и направился напрямик к серванту, стоящему в углу за столом. Этот сервант в стиле модерн был гордостью Авроры, и, хотя он уже давно потерял товарный вид, был тусклым и с потемневшими витражными стеклами, старушка хорошо знала его истинную цену и даже попросила отставить от него подальше кадку с раскидистым фикусом, боясь излишней сырости. Но Владимир не собирался наслаждаться плавными изгибами деревянных элементов этого предмета старины, он резко дернул дверцу добротного серванта и начал выставлять на стол шкатулки – именно в них Аврора хранила свои камеи. Руки у него дрожали, на лбу выступили капельки пота, и на губах играла, казалось бы, улыбка радости, но на самом деле это была холодная алчная ухмылка азарта.

Юноша выстроил все три шкатулки в ряд на столе, пододвинул стул и, опустившись в него, с облегчением вздохнул:

– Наконец я стану еще на один шаг ближе к разгадке, – произнес Владимир и открыл крышку первой, самой большой, шкатулки, выполненной в технике палехской миниатюры. На какое-то мгновение для Владимира мир потерял краски, ему даже показалось, что его зрение дало сбой. Его существо отказывалось верить увиденному. Глянцевая шкатулка, на крышке которой была изображена сцена из сказки «Конек-горбунок», была совершенна пуста. В ней не было ни одной камеи.

Володя, словно не веря своим глазам, пошарил рукой в пустой шкатулке, потом несколько секунд в растерянности смотрел по сторонам и нервно начал открывать остальные, но, к его ужасу, и они оказались совершенно пустыми. Юноша вскочил и начал судорожно кидаться то к одному, то к другому шкафу, потом поочередно выдвигать ящики комода, надеясь найти, куда перепрятала свои драгоценные геммы его хитрая бабка. Он не мог себе даже и представить, что вся коллекция Авроры Александровны еще на прошлой неделе покинула пределы их квартиры,

и сейчас на втором этаже галереи Натали выстраиваются вдоль стен стеклянные витрины с бархатными черными подушечками, и уже сегодня ночью своими нежными руками Ева будет выкладывать на них одну камею за другой.

В тот день, когда Владимир, полный разочарования, метался по комнате своей бабушки, участники закрытой организации «Герион» съезжались в усадьбу М. на юге Ленинградской области, где планировалось с большим размахом отпраздновать юбилей организации. Этой роскошной усадьбе, построенной в первой половине XIX века, повезло гораздо больше, чем ее собратьям: усадьбу реставрировали опытные мастера, а потом на ее территории построили фешенебельную гостиницу, отлично вписывающуюся в архитектурный ансамбль высокого классицизма. Стройные колонны и лепные статуи белого цвета изысканно смотрелись на фоне желтых стен фасада с лепным декором. Всю территорию комплекса вымостили дорожками из добротной плитки, и эта усадьба стала излюбленным местом проведения загородных мероприятий состоятельных людей. Сейчас на ухоженной лужайке напротив старинного особняка разбили воздушные белоснежные шатры, под которыми стояли небольшие столики, изысканно сервированные, а в центре каждого возвышался букет из синих гортензий и белых калл. На деревянной низкой сцене под открытым небом играл струнный оркестр и на высоком флагштоке развевался огромный белый флаг с тремя щитами – эмблемой организации. Дресс-код гласил облачиться в цвета эмблемы Гериона, и все без исключения следовали строгим многолетним правилам. Но одно из правил сегодня все-таки было нарушено: на празднике впервые присутствовало молодежное крыло организации, и на это была веская причина! Юные гости с широко раскрытыми глазами испуганно жались в сторонке, не в силах даже помыслить, что может на этом собрании происходить и почему их всех пригласили.

Алекс, переживавший, что, не выполнив задание, не получит приглашения на праздник, за несколько дней до собрания все-таки получил ярко-синий гляцевый конверт со вложенным в него белоснежным листком, развернув который он увидел единственную надпись – девиз Гериона: «Да пребудет с вами разум!». Юноша тут же судорожно начал носиться по комнатам, поняв, что остальной текст засекречен и увидеть его будет не так просто. Он подносил листок к свету и разглядывал в темноте, надеясь, что буквы зафосфорятся, в отчаянии брызгал водой и тер монеткой. И когда уже потерял всякую надежду, случайно бросил взгляд на конверт и вдруг понял, что вместо имени отправителя были написаны дата и время собрания, а адрес, очевидно, и был местом, куда ему нужно прибыть. Когда же они с Матюшей, как два франта, протискивались между группками молодежи в надежде разыскать девушек и Матвей сказал, что ему не составило никакого труда разгадать загадку в приглательном, Алекс фыркнул, вскидывая чуб, и заявил, что понял, в чем суть, даже не открывая конверта. Следуя дресс-коду, Алекс был облачен в ярко-синий костюм, идеально сидящий на его стройной фигуре, а Матвей для этого праздника предпочел белый смокинг с синим кушаком и атласной синей бабочкой.

– Интересно, Ева наденет синее или белое? – задумчиво произнес Матвей, следуя по пятам Алекса.

– Ну у тебя и мысли, Матюша. Ты хоть для разнообразия можешь думать о ком-нибудь еще? – ответил Алекс, недовольно искривив губы. – Мы идем, возможно, на самое важное мероприятие в нашей жизни, а все, что тебя заботит, это Ева.

Матвей замялся, опуская глаза вниз, его действительно мало волновало помпезное и таинственное собрание Гериона, больше всего его беспокоило, чтобы их не заставили делать что-то противозаконное или опасное и чтобы Ева не ввязалась в какую-то губительную игру из-за жадности разгадать тайну связи его каретных часов и организации. Он вообще вступил в Герион исключительно из-за желания найти друзей в новом городе. Сейчас же, кроме их благополучия и радости, его мало что интересовало, поэтому, в отличие от Алекса, который высматривал в толпе респектабельных господ, знаменитых дипломатов и руководителей разных предприятий, Матюша выглядывал Еву, Лану и Ингу. Через пару минут он заметил деву-

шек, которые стояли у высокого фонтана, рассматривая бликующие в солнечном свете гладкие камешки на дне бассейна, куда с грохотом обрушивался водный каскад. На Еве было белое платье в пол со шлейфом, с острым глубоким декольте, достигающим до самого пояса. Ярким акцентом этого наряда был один рукав, сильно расширяющийся книзу и весь покрытый синими языками пламени из тончайшего шелка. У Инги платье было словно расписано акварелью, с узором, напоминающим гжельский фарфор, а Лана не могла себе позволить нарядное платье такого уровня, поэтому взяла напрокат синий смокинг, и он в сочетании с ее густым коротким каре рождал образ, напоминающий героиню какой-нибудь французской романтической комедии.

– Привет, красотки! Ну что, вас еще не принесли в жертву? Или зачем тут они нас собрали? – поочередно целуя девушек в щеки, произнес Матвей. Он еще раз подозрительно оглянулся на напыщенную публику и покачал головой.

– Что за глупости, это же тебе не масоны, так что, надеюсь, мы обойдемся без оккультных практик, – смеясь парировала Ева, хотя сама едва могла унять непонятную дрожь внутри.

– Наша организация скорее напоминает ассасинов, так что нас с большей вероятностью отправят на Ближний Восток, чтобы тайно свергнуть какого-то лидера, – заметил Алекс.

– Надеюсь, что ничего подобного не будет, я была настроена просто выпить пару коктейлей в красивом платье и посмотреть фейерверк, – заявила Инга, – а вы вечно со своими теориями заговора. Мы можем спокойно провести хотя бы один вечер?

– Если ты будешь пить столько коктейлей, то тебе скоро понадобятся другие встречи – в клубе анонимных алкоголиков, – в свойственной ему язвительной манере высказался Алекс, всматриваясь в глубину аллеи, где Петр Тарэк разговаривал с несколькими пожилыми мужчинами.

– Я просто снимаю стресс, – фыркнула обиженно Инга.

– А я, пожалуй, пойду поздороваюсь с Петром, – объявил Алекс, манерно поправляя волосы. – Вы со мной? – небрежно оглядываясь на ребят, поинтересовался юноша, но не нашел поддержки.

После того как Тарэк представил его нескольким важным джентльменам, Алекс, довольный собой, возвращался к друзьям. Он смотрел на них издали, наблюдая, как они смеялись, кажется обсуждая предстоящую вечеринку, но взгляд его снова и снова возвращался к Еве. Ее загорелое упругое тело, которое виднелось во все разрезы и вырезы тонкого белоснежного шелка, полностью оголенная спина, глубокое декольте – по всему было понятно, что нижнего белья под этим платьем нет. От этого в голове Алекса возникли волнующие фантазии, и он во что бы то ни стало хотел заключить Еву в свои объятия немедленно. Юноша достал телефон и начал набирать смс:

«Красавица моя, если я тебя сейчас не поцелую, то умру от горя. Через пять минут жду тебя у розовой беседки».

Алекс видел, как она достала телефон, как прочла сообщение, как дрогнули краешки ее губ в мимолетной улыбке, он наблюдал, как она подняла глаза, ища его в толпе. Когда их взгляды встретились, Ева еле заметно отрицательно покачала головой. Алекс вспыхнул, отказы он не любил. Ева всегда принимала его игру, прячась от товарищей, они уединялись на несколько минут, целовались украдкой, веселясь своей жаркой влюбленности, а потом снова вливались в ряды друзей как ни в чем не бывало. Алекс немедленно хотел получить желаемое, он сверкнул на нее своими темными глазами и написал:

«Если ты не примешь мое предложение, я поцелую тебя сейчас на глазах у всех».

Ева была в замешательстве, она не ожидала такого выпада от Алекса и, не привыкшая, чтобы ей указывали, засмеялась, беря Матвея под руку, и громко произнесла:

– О, Матюш, у меня платье со шлейфом, я выбираю тебя сегодня своим кавалером.

А потом обратилась к остальным:

– Пойдемте в зал, скоро начнется торжественная часть, зайдем места получше.

Матвей был на десятом небе от счастья, он подхватил край Евиного платья и, гордо подняв голову, повел ее по центральной аллее к парадному входу в здание. Поднявшись по мраморной лестнице, они прошли в просторный беломраморный зал, погруженный в таинственный полумрак. Между сдвоенных белоснежных колонн светильники в виде свечей освещали огромные эмблемы Гериона, составленные из трех щитов, огоньки в этих светильниках подрагивали, будто от дуновения ветерка, создавая тревожную атмосферу. На сцене была установлена трибуна, а в центре стояло огромное величественное синее кресло с высокой спинкой, напоминающее трон.

– Что сейчас будет? – спросила шепотом Лана, сильно сжимая Евину ладонь.

– Не знаю, но мне как-то не по себе, – отозвалась Ева. Как и все неизведанное, торжественное собрание Гериона рождало массу предположений, домыслов и пугающих догадок.

Вскоре все расселись по местам, и Ева немного успокоилась. На сцене появились четыре молодых человека, они чистыми, высокими, почти ангельскими голосами исполнили песню о дружбе и верности долгу на французском, русском и английском языках. Эту песню Ева слышала впервые, но мелодия отчего-то показалась ей знакомой и очень близкой ее сердцу. Каждое слово отзывалось в душе, вызывая невероятное волнение и трепет. Комок подступил к горлу, поэтому, когда забили барабаны и на сцене появился Тарэк-старший, Ева была в растрепанных чувствах. Речь его она слышала уже смутно, он рассказывал о каких-то достижениях, какого прогресса удалось достигнуть в двусторонних отношениях с Бразилией. Затем он пригласил на сцену несколько господ, надел на них синие-белые ленты, объявив почетными членами организации. Далее он поздравил всех с юбилеем, и ни у кого из молодежного крыла не осталось сомнения, что именно Тарэк-старший и был главой этого тайного общества, как вдруг в зале все затихли, будто ожидая чего-то. Тарэк вышел из-за трибуны и объявил, что наступает самое торжественное время и сейчас на сцене появится Герион!

Все в зале встали, Тарэк достал из кармана карточку для голосований и начал стучать ею по значку Гериона, приколотому слева, в области сердца. И все присутствующие последовали его примеру, они взяли в руки свои карточки, повернули их белой стороной к залу и начали отстукивать по значкам на груди такт, напоминающий удары сердца. Действо это было столь впечатляющим, казалось, что все люди в зале превратились в одно существо, стук сердца которого эхом разносился вокруг, предвосхищая появление лидера, вождя. Ритм нарастал, усиливая волнение, и Ева едва уже справлялась с эмоциями, она чувствовала, как гул в зале превращается в шум в ушах, как ей все больше недостает кислорода, она начала глубоко и часто дышать. В это время на сцену, поддерживаемая с двух сторон крепкими парнями, поднялась пожилая дама в бархатном платье. Через несколько мгновений дама заняла место в огромном кресле, стоящем в центре сцены, и Ева с ужасом узнала в ней Аврору Александровну. Ева не могла поверить, что Герион и есть ее вездесущая соседка Аврора, она в панике начала оглядываться по сторонам и всматриваться в лица.

Девушка заметила среди гостей сначала Виталия Михайловича – профессора философии, затем «ассирийца» – соседа Авроры по даче и в конце концов увидела Михаила Леонидовича Замковского из благотворительного фонда Натали. Внезапно вся ее жизнь показалась Еве чьей-то спланированной игрой, она почувствовала себя зверьком в западне, марионеткой в чужих руках. Вдруг все поплыло перед глазами и почва начала уходить из-под ног, девушка услышала, словно издалека, как кто-то позвал ее по имени, потом чья-то рука подхватила ее и все пропало.

Ева медленно открыла глаза, веки были тяжелыми, руки онемели. Девушка приподнялась, чтобы понять, где находится, села и увидела, что она в чьем-то кабинете. Диванчик, на который ее уложили, был небольшим и довольно твердым, обитым мебельным флоксом,

рядом находился массивный письменный стол из полированного дерева, на нем стояла золотая скульптура Орфа – двуглавого древнегреческого пса, верного слуги великана Гериона. Большое кожаное зеленое кресло и внушительных размеров библиотека дополняли гнетущее впечатление. В противоположной части комнаты возвышались огромные двери, ведущие в сад, они были распахнуты, и за ними слышались голоса. Ева встала, слегка покачиваясь, придерживаясь за подлокотник диванчика. И еще не до конца осознавая, что произошло, девушка пошла на шум, сделав пару шагов, она узнала немного резкий голос Петра, который говорил кому-то:

– Сокровища сами идут к нам в руки, девчонка по ошибке отдала кольцо Аврориного мужа нам! Остались только камешек и часы.

Ответа Ева не услышала, через паузу снова прозвучал голос Пети:

– Мы уже очень близки к успеху, осталось совсем немного.

От слов Тарэка-младшего Ева молниеносно пришла в себя, осознавая, что она отдала кольцо Тарэку, думая, что он Герион, а оно предназначалось для Авроры. Ева замерла, боясь себя выдать, но Петр, видимо, услышал стук ее каблуков и заглянул в комнату, держа телефон в руках.

– Я перезвоню, – буркнул он. И расплываясь в наигранной улыбке, обратился к Еве: – Наконец-то ты пришла в себя, ну и переполох же ты устроила! Хорошо, что в зале был врач, сказал, что это обычный обморок и скоро ты очнешься. Видимо, там было душно, – тараторил Петр, подавая Еве руку и помогая выйти в сад, где на лужайке были установлены высокие столы для фуршета. – Может, воды? – не унимался Тарэк, с показным беспокойством вглядываясь в лицо Евы.

– Нет, спасибо мне уже лучше, а где все? – оглядывая пустую лужайку, удивилась девушка, желая скорее вернуться к друзьям.

– Они отправились на аллею памяти, сажать деревья, а я остался с тобой, хочешь к ним присоединиться?

– Конечно.

Петр повел Еву по извилистому лабиринту из пушистых стриженных туй, и вскоре они очутились на широкой аллее. В ее начале возвышались огромные могучие деревья с широкими кронами и толстыми стволами, но по мере того, как они продвигались, деревья становились все моложе и тоньше, как, наконец, вовсе пропали, а вместо них Ева увидела гостей праздника. Они выстроились вдоль ровных рядов лежавших на земле саженцев, рядом, как под линейку, были выкопаны лунки и, воткнутые в землю, стояли новые лопаты, украшенные синими атласными лентами.

В центре аллеи Ева заметила Аврору Александровну. «Все-таки не показалось», – подумала девушка, она пристально посмотрела на старушку в надежде поймать ее взгляд. Ева все еще надеялась увидеть во взгляде Авроры неподдельное удивление, которое ознаменовало бы, что все это не продуманная неведомая Еве игра и не чудовищная ловушка с непонятным исходом, а всего лишь совпадение, пугающее, но совпадение. Однако Аврора Александровна не смотрела на Еву и совсем не собиралась развеять ее опасения, пожилая дама была полностью увлечена утонченным молодым человеком в элегантном синем костюме, он поддерживал старушку под локоть и заискивающе смотрел прямо в глаза. Алекс, как и свойственно было ему, не терял времени даром, поняв по разговору пожилых джентльменов и Тарэка, что молодежное крыло пригласили на праздник из-за того, что Герион подыскивает себе преемника, и узнав, наконец, кто все-таки Герионом является, юноша не собирался оставаться в тени. То, что руководила организацией женщина, да еще преклонных лет и ко всему соседка Евы, Алекс считал подарком судьбы. Он был убежден, что очаровать ее ему не составит труда, ведь о силе его обаяния в университете уже слагали легенды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.